

Хайди ХАРТМАНН

**Несчастливый брак
марксизма с феминизмом:
путь
к более
прогрессивному союзу**

СвобМарксИзд
2016

Хайди Хартманн (1945) — американская феминистка, занимается проблемами гендерного неравенства и сегрегации на рабочем месте, двойной эксплуатации женщин в сфере домашнего и наемного труда и т.п. В 1987 основала Институт исследований в области женской политики в Вашингтоне. В своей самой известной, классической работе 1981 года «Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу» Хартманн выступает за сочетание марксистского и радикально-феминистского подходов для комплексного понимания и преодоления подчиненной роли женщины — как в классовом, так и в гипотетическом постклассовом обществе.

над книгой работали:

Алиса Клоц (перевод), Ирина Тартаковская (перевод, редаKTура),
Кирилл Медведев (перевод, составление), Николай Олейников
(обложка)

свобмарксизд, гендерная серия, 2016
ISBN 978-5-9907804-2-2

**Хайди Хартманн: «Несчастливый брак марксизма с
феминизмом: путь к более прогрессивному союзу (4)**

I. Марксизм и женский вопрос

II. Радикальный феминизм и патриархат

III. Союз патриархата и капитала

IV. Путь к более прогрессивному союзу

**Чинция Арруцца: Квир-союз между марксизмом
и феминизмом? (60)**

Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу

Основной тезис этого текста состоит в том, что отношение между марксизмом и феминизмом, в тех формах, которые оно приобретало до сих пор, является неравным. Хотя и марксистский метод, и феминистский анализ в равной мере необходимы для понимания капиталистического общества, в реальности феминизм постоянно занимает подчиненное положение. Данный текст представляет собой вызов как марксистскому, так и радикально феминистскому подходу к «женскому вопросу» и утверждает, что необходимо анализировать взаимодействие патриархата и капитализма. Мы надеемся, что этот текст положит начало серьезной дискуссии.

«Брак» марксизма и феминизма напоминает брачный союз мужа и жены, обозначенный в английском гражданском праве: марксизм и феминизм есть одно целое, и это целое есть марксизм (1). Недавние попытки интегрировать марксизм и феминизм оказались неудовлетворительными для феминисток, поскольку подчиняют их борьбу «более масштабной» борьбе против капитала. Развивая наше сравнение, можно сказать, что нам нужен либо здоровый брак, либо развод.

Неравенство этого брака, как и большинство социальных феноменов, не случайно. Многие марксисты привычно утверждают, что феминизм в лучшем случае менее важен, чем классовый конфликт, а в худшем — раскалывает рабочий класс. Этот политический приговор следствием своим имеет анализ, который бесследно растворяет феминизм в классовой борьбе. Более того, аналитическая мощь марксизма по отношению к капиталу заслоняет его ограниченность по отношению к сексизму. Мы постараемся показать здесь, что хотя марксистский анализ обеспечивает существенное понимание законов историческо-

го развития (особенно в том, что касается капитала), категории марксизма бесполой. Только специальный феминистский анализ вскрывает системный характер отношений между мужчинами и женщинами. В то же время ограничиваться чисто феминистским анализом было бы неверно, поскольку он слеп по отношению к истории и недостаточно материалистичен. Если мы хотим понять развитие западных капиталистических обществ и тяжелое положение женщин в нем, нам нужен и марксистский анализ, в особенности его исторический и материалистический метод, и феминистский анализ, особенно определение патриархата как социальной и исторической структуры. В этом эссе мы предлагаем новое направление марксистского феминистского анализа.

В первой части нашего текста мы рассмотрим несколько марксистских подходов к «женскому вопросу». Затем, во второй части, мы обратимся к работам радикальных феминисток. Отметим ограниченность определения патриархата, которое предлагают радикальные феминистки, мы предложим свою трактовку. В третьей части, опираясь на сильные стороны как марксистского, так и феминистского анализа, мы представим наше видение развития капиталистических обществ и сегодняшнего положения женщин. Мы попытаемся применить марксистскую методологию для анализа целей феминизма, корректируя дисбаланс в работах социалистических феминисток последних лет, и предложим более полный анализ сегодняшней социально-экономической формации. По нашему мнению, материалистический анализ позволяет увидеть, что патриархат это не просто определенные психологические отношения, но и социально-экономическая структура. Мы предполагаем, что можно лучше понять наше общество, если осознать, что оно определяется как капитализмом, так и патриархатом. Отмечая противоречие между интересами патриархата и интересами капитализма, мы утверждаем, что накопление капитала приспосабливается к патриархальным социальным структурам, одновременно поддерживая их. В настоящее время сексистская

идеология приняла особенную, капиталистическую форму, и это одна из иллюстраций к нашему тезису о том, что патриархальные отношения способствуют устойчивости капитализма. Короче говоря, мы утверждаем, что партнерские отношения патриархата и капитализма изменяются во времени.

В заключительной, четвертой части, мы доказываем, что политическая основа отношений между марксизмом и феминизмом приводит к преобладанию марксистского подхода над феминистским в решении «женского вопроса» в левом движении. Следовательно, более прогрессивный союз марксизма и феминизма требует не только более глубокого понимания отношений между классом и полом, но и отказа от доминирования и подчинения в пользу альянса равных в левой политике.

I. Марксизм и женский вопрос

«Женский вопрос» никогда не был феминистским вопросом. Феминистский вопрос – это вопрос о причинах полового неравенства между мужчинами и женщинами, о мужском доминировании над женщинами. Большая часть марксистских текстов, анализирующих положение женщин, ставит вопрос об отношении женщины к экономической системе, а не к мужчине, видимо предполагая, что этот вопрос прояснится при обсуждении основной проблемы. Существуют три основные формы марксистского анализа женского вопроса. Во всех трех случаях основа нашего угнетения видится в связи (или в отсутствии связи) с производством. Определяя женщин как часть рабочего класса, аналитики, о которых идет речь, последовательно подменяют отношение женщин к мужчинам отношением рабочих к капиталу. Сначала ранние марксисты, включая Маркса, Энгельса, Каутского и Ленина, предполагали, что капитализм вовлекает женщин в наемный труд, тем самым разрушая половое разделение труда. Затем современные марксисты включили женщин в анализ «повседневной жизни» при капитализме. С этой точки зрения все аспекты нашей жизни выглядят воспроизводством капиталистической системы, а мы все являемся рабочими при капитализме. И, наконец, марксистские феминистки сосредоточились на анализе домашнего труда и его отношения к капиталу. Некоторые из них утверждали, что домашний труд производит прибавочную стоимость и, таким образом, работа по дому является работой на капиталистов. Все три данных подхода будут последовательно рассмотрены ниже.

Энгельс в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» отмечает второстепенное положение женщины, объясняя его формированием института частной собственности (2). В буржуазных семьях, пишет Энгельс, женщины должны служить своему господину, быть моногамными и производить

наследников, к которым перейдет его частная собственность. В семьях же пролетариата, утверждает Энгельс, женщины не угнетаются, так как нет частной собственности и необходимости передачи ее по наследству. Энгельс утверждал, что распространение наемного труда привело к исчезновению мелкого крестьянства, а так как женщины и дети стали частью наемной рабочей силы наравне с мужчинами, глава семьи потерял свою власть, и патриархальные отношения были разрушены. (3)

Согласно Энгельсу, участие женщин в наемном труде – ключ к их освобождению. Став экономически независимыми, женщины наравне с мужчинами будут создавать условия для пролетарской революции. После революции, когда все станут рабочими, а частная собственность исчезнет, женщины будут свободны как от гнета капитала, так и от угнетения со стороны мужчин. Марксисты понимали, что участие женщины в наемном труде приводит к определенным сложностям для нее и ее семьи, создавая двойную нагрузку для женщины – труд по найму и домашний труд. Тем не менее, они считали более важной прогрессивную роль капитализма в «размывании» патриархальных отношений, уделяя значительно меньше внимания подчиненному положению женщины в домохозяйстве. Более того, при социализме работа по дому будет обобществлена, и женщины будут избавлены от двойного бремени.

Политический подтекст этого марксистского подхода понятен. Освобождение женщин требует, во-первых, их превращения в наемных работников наравне с мужчинами, во-вторых, участия в революционной борьбе против капитализма. Ранние марксисты верили, что именно частная собственность и капитал являются причиной угнетения женщин, точно так же как капитал является причиной эксплуатации рабочих вообще.

Хотя ранние марксисты понимали тяжесть положения женщин в современном им обществе, они не замечали различий между тем, что несет капитализм мужчине, а что – женщине. Они не ставили вопросов, которые ставят феминистки, а именно, как

и почему женщины угнетаются как женщины. В результате они не видели заинтересованности мужчин в продолжающемся угнетении женщин. Как мы покажем в третьей части нашей статьи, мужчины выигрывали от того, что у них не было необходимости выполнять работу по дому, от того, что их жены и дочери обслуживали их, и от того, что они обладали преимуществом на рынке труда. Вместо того, чтобы уйти в прошлое под натиском капитализма – будучи, как предполагали ранние марксисты, остатками прежней системы – патриархальные отношения расцветали. А так как капитализм и частная собственность не являются причиной угнетения женщин как женщин, их исчезновение не приведет к освобождению женщин от угнетения.

Пожалуй, самыми популярными среди недавно опубликованных статей, которые могут служить примером второго марксистского подхода и школы изучения повседневности, являются тексты Эли Зарецкого в «Социалистической революции» (4). Зарецкий соглашается с феминистками в том, что сексизм не является новым феноменом, порождённым капитализмом, но утверждает, что та форма, в которой существует сексизм сегодня, определяется капитализмом. В центре его внимания – различия в опыте мужчин и женщин при капитализме. Век спустя после Энгельса, при зрелом капитализме, далеко не все женщины, как отмечает Зарецкий, оказались вовлечены в наемный труд наравне с мужчинами. Скорее, капитализм привел к разделению: с одной стороны дом, семья, личная жизнь, с другой – рабочее место (5).

По мнению Зарецкого, при капитализме сексизм стал еще более опасным из-за разделения на наемный труд и домашний труд. Усиливающееся угнетение женщин является результатом их исключения из сферы наемного труда. Согласно Зарецкому, если мужчины угнетены необходимостью работать по найму, то женщины угнетены невозможностью работать по найму. Первопричина исключения женщин из сферы наемного труда – капитализм, потому что капитализм, с одной стороны, создает необходимость

в работе по найму за пределами домохозяйства, а с другой – требует от женщин репродуктивного труда дома – для того, чтобы воспроизводить наемных работников для капиталистической системы. Женщины воспроизводят рабочую силу, эмоционально заботятся о рабочих, создавая островок интимности в океане отчуждения. Зарецкий считает, что женщины трудятся на капитал, а не на мужчин; отделение частной сферы домашнего труда от сферы наемного труда при капитализме создает видимость того, что женщины работают на мужчин в домохозяйствах. Женское же движение, не осознавая, что работа женщин на мужчин является лишь видимостью (в реальности они работают на капитал), понапрасну тратит свою энергию. Женщины должны признать, что они тоже являются частью рабочего класса, хотя и работают дома.

Как пишет Зарецкий, «домохозяйка и пролетарий возникли одновременно как две основные группы трудящихся развитого капитализма» (6), а сегментация их жизни угнетает как мужа-пролетария, так и жену-домохозяйку. Только переосмысление «производства» таким образом, чтобы оно включало и работу женщины по дому, и другую социально необходимую активность, позволит социалистам начать борьбу за общество, в котором это разделение будет преодолено. По мнению Зарецкого, мужчины и женщины вместе (или раздельно) должны бороться за объединение разделенных сфер жизни, за создание гуманного социализма, который будет удовлетворять все наши личные и общественные нужды. Осознав, что корнем проблемы является капитализм, мужчины и женщины будут бороться с капиталом, а не друг с другом. Поскольку капитализм приводит к разделению наших жизней на частную и публичную, конец капитализма станет и концом этого разделения: две сферы жизни воссоединятся, и ни мужчины, ни женщины не будут больше страдать от угнетения.

Аргументация Зарецкого во многом строится на идеях феминисток, однако в итоге он выступает за смену направления их

деятельности. Зарецкий принял феминистский тезис о том, что сексизм появился раньше капитализма; он также практически принял тезис марксистских феминисток о том, что домашний труд играет ключевую роль в воспроизводстве капитала; он признает, что работа по дому – это тяжелый труд, и не принижает его значение; он также использует феминистские понятия, такие как мужское господство и сексизм. Но его анализ базируется на убежденности в том, что в основе проблемы лежит разделение, причиной которого является капитализм. В духе популярного в начале двадцатого века тезиса о «взаимодополняющих сферах», гласившего, что мужские и женские сферы являются взаимообогащающими, раздельными, но в одинаковой степени важными, Зарецкий по большей части отрицает существование и значимость неравенства между мужчинами и женщинами. В центре его внимания – отношение женщины, семьи, приватной сферы к капитализму. Но даже если капитализм привел к появлению приватной сферы, как утверждает Зарецкий, почему в ней стали трудиться женщины, а мужчины – работать по найму? Конечно же, это невозможно объяснить, не обращаясь к понятию патриархата – системного доминирования мужчин над женщинами. С нашей точки зрения, в семье, на рынке труда, в экономике и в обществе проблемой является не просто разделение труда между мужчинами и женщинами, а то, что при этом разделение мужчина оказывается в доминирующем положении, а женщина – в подчиненном.

Так же как Энгельс видит частную собственность главным механизмом, при помощи которого капитализм угнетает женщин, Зарецкий выделяет приватность. Женщины угнетены, потому что они трудятся в приватной сфере – в домохозяйстве. Зарецкий и Энгельс романтизируют доиндустриальную семью и общество, где мужчины и женщины, взрослые и дети совместно трудились на благо семьи и участвовали в общественной жизни. Гуманный социализм Зарецкого воссоединит семью и воссоздаст «счастливую семейную мастерскую».

Хотя мы утверждаем, что социализм соответствует интересам как мужчин, так и женщин, мы совсем не убеждены ни в том, что боремся за один и тот же «гуманный социализм», ни в том, что у нас одинаковое представление о борьбе, которую необходимо вести ради него, ни тем более в том, что единственный источник нашего угнетения – капитализм. Тогда как Зарецкий утверждает, что труд женщин на благо мужчин – лишь видимость, маскирующая труд женщин на благо капитала, мы думаем, что труд женщин в семье – это действительно труд на благо мужчин, хотя, безусловно, он также воспроизводит капитализм. Переосмысление понятия «производство», возможно, позволит нам по-новому осознать, какое общество мы хотим построить, но до тех пор, пока мы не создадим это общество, борьба женщин против мужчин должна продолжиться, как и борьба против капитализма.

В работах марксистских феминисток, занимавшихся проблемой домашнего труда, феминистская борьба также сводилась к борьбе против капитала. Теоретический анализ домашнего труда, предложенный Мариарозой делла Коста, по сути, представляет собой тезис об отношении домашнего труда к капиталу и месте домашнего труда в капиталистическом обществе, а не об отношениях мужчин и женщин на примере домашней работы (7). При этом политическая позиция делла Коста, состоящая в том, что женщины должны требовать оплаты домашнего труда, сыграла большую роль в осмыслении домашнего труда среди участниц женского движения. Это требование обсуждалось и обсуждается в женских группах повсюду в Соединённых Штатах (8). Согласно делла Коста, женщины не только предоставляют необходимые услуги для капитала, воспроизводя рабочую силу, но и производят прибавочную стоимость своим домашним трудом (9). Этот тезис также серьезно помог левым осознать важность домашнего труда и спровоцировал длительную дискуссии об отношении труда к капиталу (10).

Делла Коста использует феминистскую интерпретацию домашнего труда как реального труда для того, чтобы заявить о

его легитимности при капитализме, утверждая, что он должен оплачиваться. Женщины должны требовать заработной платы за работу по дому, а не становиться наемными работниками в традиционном понимании, так как в последнем случае они продолжают работать «двойной рабочей день», предоставляя капиталу и бесплатный труд в домохозяйстве, и наемный труд за его пределами. Делла Коста исходит из предположения, что, если женщины будут получать зарплату за работу по дому, они смогут обобществить ее, коллективно ухаживая с детьми, готовя еду и так далее. Требуя оплаты и получая оплату, женщины смогут осознать важность своего труда, они смогут увидеть как его общественную значимость, так и частную необходимость, и это будет первый шаг на пути более масштабных общественных изменений.

Делла Коста утверждает, что самым важным в домашнем труде является его необходимость для капитала. В этом заключается стратегическая роль женщин. Требуя платы за домашний труд и отказываясь участвовать в рынке труда, женщины способны вести борьбу против капитала. Женские общественные организации могут обладать значительным подрывным потенциалом, становиться не только основой сопротивления капиталу, но и основой нового общества.

Делла Коста признает, что мужчины будут сопротивляться освобождению женщин (это будет происходить, когда женщины будут создавать свои объединения) и что женщинам придется бороться с ними, но эта борьба будет иметь второстепенное значение по сравнению с основной борьбой, конечным итогом которой должно стать построение социализма. С точки зрения делла Коста, борьба женщин революционна не потому, что они феминистки, а потому что они против капитализма. Делла Коста находит место для женщин в революционной борьбе, видя в них производителей добавочной стоимости, а следовательно – часть рабочего класса. Это делает политическую активность женщин легитимной (11).

Женское движение никогда не ставило под сомнение важность борьбы женщин, потому что цель феминисток – это освобождение женщин, которое может быть достигнуто только путем их собственной борьбы. Делла Коста внесла значительный вклад в наше понимание общественной природы домашнего труда, что очень ценно. Но, как и в других уже обсуждавшихся здесь марксистских подходах, основное внимание у нее уделяется капиталу, а не отношениям между мужчинами и женщинами. Тот факт, что у мужчин и женщин различные интересы, цели и стратегии, отходит на задний план, на переднем же плане – мощный анализ того, как все мы страдаем от капиталистической системы, а также важность и даже стратегическая роль женского труда в этой системе. Риторика делла Коста остается феминистской (угнетение женщин, борьба с мужчинами), но основной тезис ее текста отнюдь не феминистский. Если бы он был феминистским, делла Коста утверждала бы, например, что важность домашнего труда в системе общественных отношений состоит в том, что на нем строится мужское доминирование. То, что женщины, выполняя работу по дому, работают на мужчин, играет решающую роль в поддержании патриархата.

Ни Энгельс, ни Зарецкий, ни делла Коста не анализируют в достаточной мере трудовые процессы внутри семьи. Кто извлекает выгоду из труда женщин? Безусловно капиталисты, но также безусловно и мужчины, которые, будучи мужьями и отцами, получают личные услуги у себя дома. Содержание и масштаб услуг зависит от класса и расовой принадлежности, но сам факт получения этих услуг остается неизменным. У мужчин более высокий уровень жизни, чем у женщин, если смотреть на уровень потребления роскоши, досуг и личные услуги (12). Материалистический подход не должен игнорировать этот важный факт (13). Он доказывает, что мужчины материально заинтересованы в продолжении угнетения женщин. В конечном счете это может быть «ложным сознанием», так как большинству мужчин принесет пользу уничтожение патриархальной иерархии. Но в ближайшей

перспективе это вопрос контроля над трудом других людей, контроля, от которого мужчины добровольно не откажутся.

Если ранние марксисты игнорировали домашний труд женщин, фокусируясь на их участии в наемном труде, два более поздних подхода настолько зациклены на домашнем труде, что игнорируют роль женщины в рынке труда. Так или иначе, все три подхода пытаются рассматривать женщин как часть рабочего класса, а угнетение женщин – как часть классового угнетения. Коротко упоминается и объект феминистского анализа – отношения мужчин и женщин. Хотя марксисты достигли настоящего изящества в анализе наших «проблем», суть от них ускользает. В центре внимания марксистов – отношения классов; объектом марксистского анализа являются законы развития капиталистического общества. Хотя мы считаем, что марксистская методология может быть использована при формулировании феминистской стратегии, рассматриваемые подходы марксистских феминистов явно не позволяют этого сделать; их феминизм оказывается подавленным их марксизмом.

Как мы уже говорили, основная причина такого неравенства – в аналитической мощи марксизма. Марксизм – это теория развития классового общества, процесса накопления в капиталистических обществах, воспроизводства классового неравенства, развития классовых противоречий и классовой борьбы. Капиталистическими обществами двигает потребность в накоплении капитала, которую коротко можно свести к следующему факту: производство ориентировано на обмен, а не на использование. В капиталистическом обществе производство важно только в той мере, в какой оно позволяет получить прибыль, а ценность продукта для потребления играет опосредованную роль. Прибыль зависит от способности капиталистов эксплуатировать рабочую силу, платить трудящимся меньше, чем стоимость продукта, который они производят. Накопление прибыли системно трансформирует социальную структуру, так как оно трансформирует производственные отношения.

Резервная армия труда, нищета и близкое к нищете существование огромного числа людей – все это позорная сторона накопления капитала. С точки зрения капиталистов, воспроизводство рабочего класса происходит «само собой» (14). Вместе с тем, капитал создает идеологию, которая развивается вместе с ним – идеологию индивидуализма, конкуренции, доминирования, а в наше время еще и особого типа потребления. Какой бы теории воспроизводства вы не придерживались, необходимо признать, что доминирующие ценности капиталистического общества таковы.

Марксизм позволяет понять многое в капиталистическом обществе: структуру производства, формирование определенных профессиональных структур и природу доминирующей идеологии. Марксистская теория о развитии капитализма – это теория развития «свободных мест». Маркс, например, предсказал рост пролетариата и исчезновение мелкой буржуазии. Многие, в частности, Браверман, более точно и более подробно объяснили появление «места» религиозного работника и обслуживающего работника в развитых капиталистических обществах (15). Капитал создает эти места для безличных индивидов, которые будут их заполнять, марксистские же аналитические категории – «класс», «резервная армия труда», «наемный работник» – не объясняют, почему конкретный человек занимает конкретное место. В них не содержится объяснения, почему женщины находятся в подчинении мужчин как в семье, так и вне семьи, а не наоборот. Марксистские категории, как и само понятие капитала, бесполоы. Марксистские категории не скажут нам, кто займет «свободные места». Именно от этой базовой проблемы страдает марксистский анализ женского вопроса.

На пути к более действенному феминизму

Марксизм – это также метод анализа общества, метод исторического диалектического материализма. Используя этот метод для

решения феминистских вопросов, Джулиет Митчелл и Суламифь Файрстоун предложили новое направление развития марксистского феминизма. Мы согласны с Митчелл, коротая утверждает, что «вопрос не в нашем “отношении” к социализму; вопрос в использовании научного социализма (который мы называем марксистским методом) как метода анализа особой природы нашего угнетения и, следовательно, нашей роли в революции. С помощью такого метода, я считаю, должен быть понят радикальный феминизм, так же как ранние социалистические теории» (16).

Как писал Энгельс: «Согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно, опять-таки, бывает двоякого рода. С одной стороны – производство средств к жизни: предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой – производство самого человека, продолжение рода. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими видами производства...» (17). Именно в этом направлении развивает свой анализ Митчелл. В своем первом эссе «Женщины: самая долгая революция» она изучает наемный труд, репродуктивный труд, сексуальность и уход за детьми (18).

Правда, попытку Митчелл нельзя назвать полностью успешной – возможно, потому что не всякий женский труд в ее глазах является производством. Как производство она определяет только оплачиваемый труд; труд же в других сферах (приблизительно очерченных как труд в семье) она считает идеологическим. Патриархат, который в значительной степени структурирует воспроизводство, сексуальность и уход за детьми, с ее точки зрения, не имеет материальной основы. В «Женском сословии» – расширенной версии предыдущего эссе, Митчелл значительно больше внимания уделяет разработке методов анализа оплачиваемого труда женщин, чем анализу их труда в семье. Отношение женщин

к капиталу и женский труд на благо капитала эта книга освещает гораздо более подробно, чем отношение женщин к мужчинам и женский труд на благо мужчин. Заметна гораздо большая зависимость Митчелл от марксизма, чем от радикального феминизма. В позднейшей работе «Психоанализ и феминизм» Митчелл обращается к очень важной проблеме отношений между мужчинами и женщинами, связанной с формированием различных гендерно обусловленных личностей мужчин и женщин (19). Согласно анализу Митчелл, патриархат функционирует преимущественно в области психологического, в тот период, когда дети учатся быть мужчинами и женщинами. Здесь Митчелл фокусируется на темах, которые она обходила в прошлом: воспроизводство, сексуальность, воспитание детей. Но, помещая их в сферу идеологического, она не избавляется от фундаментальной слабости анализа, очевидной в предыдущих работах. Она представляет патриархат как идеологическую структуру, подобно тому, как фундаментальной экономической структурой представляют капитал: «Если обрисовать ситуацию схематически ... мы ... имеем дело с двумя автономными сферами: экономической формой капитализма и идеологической формой патриархата» (20). Хотя Митчелл проблематизирует интерпретации этих сфер, она отказывает патриархату в материальной основе, заложенной в отношениях между трудом мужчин и женщин, а также не признает материальную основу формирования личности и гендера, что ограничивает применимость ее анализа.

Суламифь Файрстоун соединяет марксизм и феминизм, используя материалистический подход для анализа патриархата (21). Материалистический анализ она применяет не столь амбивалентно, как Митчелл. Диалектика пола, утверждает Файрстоун, это фундаментальная историческая диалектика, а материальная основа патриархата – эта работа, которую выполняют женщины, воспроизводя свой вид. Нельзя переоценить важность того, каким образом Файрстоун использует марксизм в анализе положения женщин,

каким образом она определяет материальную основу патриархата. Но она чересчур много значения придает биологическому аспекту и воспроизводству. А нам нужно понять, каким образом пол (биологический факт) становится гендером (социальным феноменом). Необходимо поместить весь женский труд в социальный и исторический контекст, а не фокусироваться только на воспроизводстве. Несмотря на то, что работа Файрстоун предлагает новое феминистское использование марксистской методологии, ее убежденность в том, что именно доминирование мужчин над женщинами является краеугольным камнем всех остальных форм угнетения (классового, возрастного, расового), делает ее работу скорее радикальной феминистской, нежели марксистской феминистской. Ее работа является наиболее полной артикуляцией позиции радикальных феминисток.

Книга Файрстоун была отвергнута марксистами с чрезмерным энтузиазмом. Зарецкий, например, назвал ее «мольбой о субъективности». При этом особенно интересным для женщин у Файрстоун оказался анализ власти мужчин над женщинами, а также ее здоровая злость, вызванная этой ситуацией. Ситуацией, для понимания которой наиболее важна глава о любви. В ней идет речь не только о «маскулинной идеологии», с существованием которой марксисты готовы соглашаться (это вопрос скорее личного отношения), но и о субъективных последствиях мужской власти над женщинами, о том, каково это – жить при патриархате. «Личное есть политическое» не является, что бы ни говорил Зарецкий, «мольбой о субъективности», о том, чтобы нам стало лучше: это требование признать власть мужчин и подчиненность женщин как социальную и политическую реальность.

II. Радикальный феминизм и патриархат

Основные усилия радикальных феминисток направлены на иллюстрирование лозунга «личное есть политическое». Они утверждают, что недовольство женщин – это не невротические жалобы неприспособленных, а реакция на социальную структуру, в которой женщины подавляются, эксплуатируются и угнетаются. Подчиненное положение женщин на рынке труда, в мужецентричной эмоциональной структуре буржуазного брака, использование женщин в рекламе, толкование женской психики как невротической, пропагандируемое академической и клинической психологией, – каждая сторона жизни женщин в капиталистическом обществе подверглась изучению и анализу. Радикальная феминистская литература огромна и нелегко поддается обобщению. При этом ее заикленность на психологическом измерении очевидна. Центральным документом радикальных феминисток Нью-Йорка стал текст «Политика эго». Для радикальных феминисток лозунг «личное есть политическое» означает, что источник и основа классового деления состоит в половом различии, а основной движущей силой исторического развития является борьба мужчин за власть и подавление женщин, диалектика пола (22).

Работая в этом ключе, Файрстоун переписала Фрейд, чтобы осмыслить превращение мальчиков и девочек в мужчин и женщин с точки зрения властных отношений (23). Ее характеристика «мужских» и «женских» черт характера типична для радикального феминизма. Мужчина жаждет власти и доминирования; он – существо эгоцентричное и индивидуалистичное, соревновательное и прагматичное; «технологический» режим, по определению Файрстоун, является мужским. Женщина же склонна к заботе о других, творчеству, к философскому размышлению; «эстетический» режим – женский.

Мысль о том, что «эстетический режим» связан с женским началом, несомненно, повергла бы в шок древних греков. В этом ошибка радикальных феминисток: представленная ими «диалектика пола» проецирует «мужские» и «женские» черты, увиденные нами сегодня, на все историческое прошлое. Сильная сторона радикального феминистского анализа – его объяснение общества сегодня. Слабая же сторона в том, что зацикленность на психологическом делает такой анализ слепым к историческим изменениям.

Причина этого не только в методе радикального феминизма, но и в природе патриархата как такового, ведь патриархат как форма организации общества удивительно устойчив. Радикальные феминистки используют понятие «патриархат» для обозначения социальной системы, характеризующей доминированием мужчин над женщинами. Вот классическое определение Кейт Миллет: «Наше общество – общество патриархата. Об этом свидетельствует то, что военные силы, промышленность, технология, университеты, наука, политические институты, финансы – короче говоря, все каналы власти, существующие в обществе, включая непосредственно репрессивные органы, такие как полиция, полностью находятся в руках мужчин» (24). Это радикальное феминистское определение патриархата применимо к большинству обществ, которые мы знаем, и не позволяет различать их. Радикальные феминистки обращаются к истории только затем, чтобы показать: патриархат существовал везде и во все времена (25). Для марксистов, как и для специалистов в социальных науках до появления женского движения, патриархат означал систему отношений между мужчинами, которая составляла основу феодальных и некоторых дофеодальных обществ, где иерархия строилась в соответствии с указанными свойствами. Капиталистические же общества определяются буржуазными учеными как меритократические, бюрократические, обезличенные, а марксистскими – как системы классового угнетения (26). Ни те, ни другие не воспринимают ни патриархальные общества прошлого, ни сегодняшние

западные капиталистические общества как системы отношений между мужчинами, позволяющие им угнетать женщин.

На пути к определению патриархата

Мы можем определить патриархат как набор социальных отношений между мужчинами, имеющих материальную базу и, несмотря на свою иерархичность, создающих возможность для независимости мужчин и солидарности, которая позволяет им доминировать над женщинами. Несмотря на то, что патриархат иерархичен, так как каждый класс, раса или этническая группа занимает в нем свое место, мужчины объединены в общую систему угнетения своих женщин; они нуждаются друг в друге для поддержания доминирования. Иерархии «работают» во многом потому, что создают заинтересованность в статус кво. Те, кто находится на вершине, могут откупиться от тех, кто находится ступенью ниже, наделив их властью над тем, кто еще ниже. В иерархии, создаваемой патриархатом, все мужчины, независимо от их места в патриархате, получают возможность контролировать хоть каких-то женщин. Есть некоторые доказательства того, что патриархат институционализировался в первую очередь в таких сообществах с государственной системой, правители которых, придя к власти, в буквальном смысле сделали мужчин главами семейств (гарантируя их контроль над женами и детьми) в обмен на отказ этих мужчин от части племенных ресурсов в пользу новых правителей (27). Мужчины зависимы друг от друга (несмотря на иерархичность их положений) в своем стремлении контролировать женщин.

Материальная база, на которой строится патриархат, создается мужским контролем женского труда. Мужчины поддерживают этот контроль, ограничивая доступ женщин к некоторым важнейшим ресурсам производства (в капиталистическом обществе, например, к работе с заработной платой, на которую можно жить) и ограничивая женскую сексуальность (28). Моногамный гетеро-

сексуальный брак – это достаточно новая и эффективная форма, которая позволяет контролировать обе эти сферы. Контроль над доступом женщин к ресурсам и над их сексуальностью, в свою очередь, позволяет контролировать женский труд, чтобы использовать его для обслуживания мужчин на личном уровне, включая сексуальное обслуживание, а также для ухода за детьми. Услуги, которые женщины предоставляют мужчинам, и которые освобождают мужчин от необходимости выполнения неприятных работ (таких как, например, чистка туалетов) используются и в рамках семьи, и за ее пределами. Примеры требования таких услуг за пределами семьи включают в себя сексуальные домогательства к студенткам и работницам со стороны преподавателей и начальников – мужчин, а также постоянное использование секретарш для решения личных вопросов, приготовления кофе и создания «сексуальной» атмосферы. Уход за детьми (независимо от того, могут ли отцы извлекать выгоду из труда детей в данный момент) играет решающую роль в поддержании патриархата как системы. Так же как классовое общество должно воспроизводиться посредством школ, рабочих мест, норм потребления и так далее, должны производиться патриархальные общественные отношения. В нашем обществе дети воспитываются в большинстве своем дома – женщинами, которые определяются обществом как неполноценные в сравнении с мужчинами, тогда как мужчины редко появляются в этой домашней картине. Дети, воспитанные таким образом, хорошо усваивают свое место в гендерной иерархии. Определяющими для этого процесса, однако, являются сферы вне дома, где преподаются уроки патриархата, а неполноценное положение женщин определяется и поддерживается: в церквях, школах, спортивных клубах, профсоюзах, армиях, на заводах, в офисах, больницах, медиа и так далее.

Таким образом, материальная база патриархата держится не только на воспитании детей в семье, но и на социальных структурах, которые позволяют мужчинам контролировать труд жен-

щин. Элементы социальных структур, которые поддерживают патриархат, можно определить теоретически, отделив их таким образом от других элементов. Гейл Рубин значительно увеличила нашу способность определять патриархальный элемент в этих социальных структурах, описав систему пол\гендер:

«систему «пол/гендер» можно определить как набор механизмов, с помощью которых общество преобразует биологическую сексуальность в продукты человеческой деятельности, и в рамках которых эти преобразованные сексуальные потребности удовлетворяются» (29).

Мы рождаемся существами мужского или женского пола, наш пол задается биологически, но нас создают как мужчин и женщин, это наша социально определяемая гендерная принадлежность. Каким образом нас создают – это второй аспект производства, о котором говорил Энгельс: «производство самого человека, продолжение рода».

То, каким образом люди размножаются, определяется социально. Например, если люди биологически сексуально полиморфны, воспроизводство будет случайным. Строгое разделение труда по половому признаку – социальное изобретение, известное во всех сообществах – создает два абсолютно отдельных гендера и необходимость для мужчин и женщин объединиться ради решения экономических задач. Эта необходимость направляет их сексуальные желания в гетеросексуальное русло. Хотя теоретически можно допустить, что половое разделение труда не обязательно приводит к неравенству полов, в большинстве известных сообществ социально приемлемое разделение труда по признаку пола предполагает более низкий статус женского труда. Половое разделение труда также лежит в основе определенных полов субкультур, в рамках которых мужчины и женщины проживают

жизнь по-разному; это материальная база мужской власти, которая проявляется (в нашем обществе) не только в том, что мужчины не выполняют работ по дому и получают лучшие рабочие места, но и в психологической сфере.

Как люди удовлетворяют свои сексуальные потребности, как они воспроизводятся, как они внушают социальные нормы новым поколениям, как они учатся гендеру, каково быть мужчиной или женщиной – все это происходит в сфере, которую Рубин определяет как систему пол\гендер. Рубин подчеркивает влияние родственных связей (которые определяют, с кем ты можешь удовлетворить свои сексуальные потребности) и формирование гендерно-определенных личностей при помощи системы воспитания детей и «эдиповой машины». В дополнение, однако, мы можем использовать систему пол\гендер при анализе всех остальных социальных институтов и их роли в определении и поддержании гендерных иерархий. Отмечая, что теоретически в системе пол\гендер доминировать может как мужчина, так и женщина, а система может быть эгалитарной, Рубин отказывается категоризировать многочисленные известные системы гендер\пол или выделять исторические периоды на их основе. Мы решили определить современную нам систему пол\гендер как патриархат, потому что это понятие удачно отражает иерархичность и доминирование мужчин в качестве центральных характеристик существующей системы.

Согласно Энгельсу, «общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны» детерминированы экономическим производством (тем, что марксисты обычно называют способом производства) и производством людей в сфере пола\гендера. Следовательно, все общество может быть понято только путем анализа как производства, так и воспроизводства людей и вещей (30). «Чистого капитализма» не бывает, как не бывает и «чистого патриархата», потому что они неизбежно сосуществуют. Бывает либо патриархальный

капитализм, либо патриархальный феодализм, либо эгалитарное общество охотников и собирателей, либо матриархальное земледельческое общество и т.д. Судя по всему, *обязательной* связи между изменениями в одном аспекте производства и изменениями в другой не существует. Например, общество может перейти от капитализма к социализму и остаться патриархальным (31). Здравый смысл, история и наш опыт говорят, однако, о том, что два эти аспекта производства связаны настолько тесно, что изменение в одном обычно вызывает новую динамику, создает напряжение или противоречия в другом.

В этом контексте можно рассматривать и расовые иерархии. Дальнейшее осмысление возможно через анализ системы цвет кожи\раса, области общественной жизни, в которой биологическая характеристика цвета кожи превращается в социальную категорию расы. Расовые иерархии, как и гендерные, – это стороны нашего общественного устройства, того, как люди производятся и воспроизводятся. Эти стороны не являются фундаментально идеологическими; они представляют собой второй аспект нашего способа производства – производство и воспроизводство людей. Поэтому более верным будет называть наше общество не просто «капиталистическим», а «патриархальным капиталистическим с доминированием белых». В третьей части я приведу пример того, как капитализм приспосабливается к расовой системе и использует ее, а также несколько примеров взаимосвязи капитализма и патриархата.

Развитие капитализма создает места для иерархии рабочих, но традиционные марксистские категории не позволяют нам понять, по какому принципу они распределяются. Гендерные и расовые иерархии говорят нам, кто займет пустые места. Патриархат – это не просто иерархическая организация, а иерархия, в которой определенные люди занимают определенные места. Только изучая патриархат, мы узнаем, что женщины угнетены и каким образом. Хотя мы считаем, что большинство известных обществ

были патриархальными, мы не рассматриваем патриархат как универсальное, неизменное явление. Наоборот, форма и интенсивность патриархата – системы отношений между мужчинами, которая позволяет им доминировать над женщинами, значительно менялись во времени. Очень важно анализировать отношение взаимозависимости мужчин с их способностью доминировать над женщинами в обществах прошлого. Очень важно анализировать иерархии среди мужчин и различия в их доступе к благам патриархата. Безусловно, здесь играют роль классовая, расовая и этническая принадлежность, семейное положение и сексуальная ориентация, а также возраст. Женщины, принадлежащие к разным классам, расам, национальностям, с различным семейным статусом или с разной сексуальной ориентацией также в различной мере испытывают тяжесть патриархата. Кроме того, женщины могут сами обладать властью, основанной на классовых, расовых и национальных привилегиях, и даже патриархальной властью (через семейные связи) над мужчинами, стоящими ниже в патриархальной иерархии, чем их собственные мужчины.

Итак, мы определяем патриархат как набор общественных отношений, которые обладают материальной базой, и в которых отношения между мужчинами строятся на иерархичности и солидарности, позволяющих угнетать женщин. Материальной базой патриархата является мужской контроль над рабочей силой женщин. Этот контроль поддерживается посредством лишения женщин доступа к необходимым экономическим производственным ресурсам и ограничения их сексуальности. Благодаря такому контролю мужчины получают от женщин личное обслуживание, которое позволяет им не заниматься работой по дому и не воспитывать детей, иметь доступ к телам женщин для секса, чувствовать власть над ними и обладать этой властью. Определяющими элементами патриархата на данный момент являются: гетеросексуальный брак (и вытекающая из этого гомофобия), женская работа по дому и воспитанию детей, экономическая зависимость жен-

щин от мужчин (поддерживаемая организацией рынка труда), государство и многочисленные институты, основанные на социальных отношениях между мужчинами: клубы, спорт, профсоюзы, профессиональные сообщества, университеты, церкви, корпорации и армии. Если мы хотим понять патриархатный капитализм, необходимо анализировать все эти элементы.

И иерархия среди мужчин, и их взаимозависимость, и подчиненное положение женщин неотделимы от функционирования нашего общества, т.е. эти отношения являются системными. Мы оставляем в стороне вопрос об их возникновении и задаемся вопросом: как мы можем понять патриархатные отношения в капиталистических обществах? В капиталистических обществах мы должны увидеть те самые связи между мужчинами, которые, с точки зрения как буржуазных, так и марксистских исследователей, больше не существуют, или, как минимум, являются наследием прошлого, не играющим никакой роли. Можем ли мы понять, каким образом эти отношения между мужчинами поддерживаются в капиталистических обществах? Можем ли мы определить, каким образом патриархат определил путь развития капитализма?

III. Союз патриархата и капитала

Как нам увидеть патриархальные общественные отношения в капиталистических обществах? Кажется, будто каждая женщина угнетена лишь своим конкретным мужчиной, и ее угнетение – ее личное дело. Отношения между мужчинами и между семьями также кажутся фрагментарными. Сложно разглядеть в отношениях между мужчинами, а также между мужчинами и женщинами, патриархат как систему. Однако мы утверждаем, что патриархат как система отношений между мужчинами и женщинами при капитализме существует, и что в капиталистических обществах имеет место тесный союз между патриархатом и капиталом. При этом, если начинать с концепции патриархата и понимания капиталистического способа производства, становится очевидно, что союз между патриархатом и капиталом не был неизбежен: интересы мужчин и капиталистов часто противоположны, особенно в вопросе использования женского труда. Вот один пример того, каким образом этот конфликт может проявляться: большинство мужчин, вероятно, предпочтут, чтобы женщины оставались дома и обслуживали их. Небольшая группа мужчин – капиталистов хочет, чтобы большинство женщин (но не их собственных) работали по найму. Изучив этот конфликт, связанный с женской рабочей силой в историческом контексте, мы сможем определить материальную базу патриархатных отношений в капиталистических обществах, а также основания союза между капиталом и патриархатом.

Индустриализация и развитие принципа семейной зарплаты

Марксисты сделали очень логичный вывод из социального феномена, свидетелями которого они были в девятнадцатом веке. Но они недооценили мощь существовавших патриархатных общественных сил, с которыми предстояло бороться развивающемуся капиталу, и его потребность в приспособлении к ним.

Индустриальная революция втягивала в рынок труда всю рабочую силу, включая женщин и детей; более того, первые фабрики использовали исключительно женский и детский труд (32). Тот факт, что женщины и дети могли зарабатывать деньги независимо от мужчин, с одной стороны, ослаблял властные отношения (как уже говорилось в первой части), с другой, поддерживал низкие зарплаты для всех. В 1892 Каутский описывал этот процесс таким образом:

«[Затем, когда] жена и дети трудящегося ... оказываются способны обеспечивать себя, заработную плату работника можно спокойно сократить до уровня, необходимого для удовлетворения его нужд, не рискуя таким образом сократить приток свежей рабочей силы.

Более того, труд женщин и детей обладает еще и тем преимуществом, что женщины и дети менее способны к сопротивлению [sic], а их вхождение в рынок труда значительно увеличивает количество доступной рабочей силы.

Следовательно, труд женщин и детей ... также ограничивает способность мужчин к сопротивлению [рабочего – мужчины], так как он перенасыщает рынок; таким образом женский и детский труд снижает уровень заработка работника – мужчины». (33)

Марксисты осознавали тяжелые последствия низких зарплат и насильственного вовлечения всех членов семьи в рынок труда для рабочих семей. Каутский писал:

«В большинстве случаев капиталистическая система производства не разрушает семью трудящегося полностью, но лишает ее всех приятных сторон. Активность женщин в производственной деятельности ... добавляет дополнительное бремя к уже существующему. Семья трудящегося страдает каждый раз, когда жене приходится помогать мужу зарабатывать на хлеб насущный». (34)

Мужчины-рабочие, как и Каутский, видели отрицательные стороны женского труда. Женщины, становясь дешевой рабочей силой, оставались женами, которые не могли «служить двум господам» одинаково хорошо.

Мужчины-рабочие сопротивлялись полному включению женщин и детей в рынок труда, старались лишить их возможности быть членами профсоюзов и даже в принципе зарабатывать наемным трудом. В 1846 году «Защитник десятичасового труда» (Ten Hours Advocate) писал: «Абсолютно очевидно, что любые попытки улучшить моральные и физические условия фабричных работниц будут безрезультатны, если их рабочий день не будет сокращен. Более того, мы утверждаем, что замужним женщинам станет гораздо лучше, если они будут заняты домашним хозяйством, не стараясь угнаться за безостановочным движением машин. Мы надеемся, что недалек тот день, когда мужчина сможет содержать свою семью, не отправляя жену изнывать от тяжелой работы на хлопкопрядильной фабрике».

В США в 1854 году Национальный союз печатников принял резолюцию «не способствовать своими действиями найму наборщиков – женщин». Мужчины – члены профсоюза выступали против того, чтобы профсоюз защищал права женщин, более того, мужчины пытались добиться их исключения. В 1879 году Адольф Штрассер, президент Международного профсоюза производителей сигар, заявил следующее: «Мы не можем изгнать женщин из отрасли, но мы можем ограничить дневные квоты на их труд путем принятия соответствующего фабричного закона» (36).

Проблему дешевизны женского и юношеского труда могли бы решить путем создания соответствующих профсоюзов, однако таким образом невозможно было остановить разрушение семейной жизни. Мужчины ограничивали возможность женщин вступать в профсоюзы и требовали принятия законов, защищающих труд женщин и детей. Эти законы, с одной стороны, ограничили самые чудовищные формы эксплуатации женского и детского

труда, с другой – ограничили найм взрослых женщин на «мужскую» работу (38). Мужчины стремились оставить высокооплачиваемую работу за собой и в целом повысить заработную плату для мужчин. Они требовали заработной платы, достаточной для содержания семьи. Эта система «семейной зарплаты» постепенно стала нормой для стабильных рабочих семей в конце девятнадцатого – начале двадцатого века (39). Некоторые наблюдатели отмечали, что не работающая по найму жена была стандартным атрибутом семейной жизни рабочего (40). Вместо того, чтобы бороться за равную оплату труда для мужчин и женщин, мужчины требовали «семейной зарплаты», стремясь использовать труд женщин лишь в пределах домохозяйства. Возможно, при отсутствии патриархата объединенный рабочий класс мог бы выступить против капитализма, но патриархатные общественные отношения разделили рабочий класс, подкупив одну часть (мужчин) за счет второй части (женщин). Иерархичность и солидарность мужчин сыграли одинаковую роль в таком разрешении конфликта. «Семейная зарплата» в таком случае может рассматриваться как способ разрешения конфликта между патриархатными и капиталистическими интересами, возникшего в борьбе за контроль над женским трудом.

Установление семейной зарплаты для большинства взрослых мужчин предполагает, что мужчины не только приняли это как условие, но и непосредственно участвовали в сговоре за установление низкой оплаты труда других: молодых рабочих, женщин и мужчин с более низким статусом (ирландцев, чернокожих, и т.д., низших групп в патриархальной иерархии, лишенных многих из благ патриархата). Низкая оплата труда детей, женщин и мужчин с низким статусом закрепляется при помощи сегрегации рынка труда, поддерживаемой в свою очередь профсоюзами и менеджментом, а также дополнительными институтами, такими как школы, программы подготовки и даже семьи. Разделение труда по половому признаку, которое ведет к тому, что женщины получают

лишь наименее оплачиваемую работу, одновременно закрепляет экономическую зависимость женщин от мужчин и поддерживает представление о мужской и женской сферах. Следовательно, для большинства мужчин введение семейной зарплаты укрепило основу их мужского доминирования. Во-первых, женщины зарабатывают меньше мужчин. Более низкая оплата женского труда на рынке усиливает материальное превосходство мужчин над женщинами и подталкивает женщин к «карьере» жены. Во-вторых, женщины выполняют работу по дому, воспитывают детей, а также оказывают другие услуги, которые отвечают интересам мужчин (41). Необходимость же выполнять обязанности по дому еще более снижает ценность женщины на рынке труда (42).

Можно считать, что это положение, характерное для начала двадцатого века, реализует интересы и капитала, и патриархата. Как замечали многие исследователи, капиталисты понимали, что чрезвычайно тяжелые условия, в которых находились рабочие семьи в период индустриализации девятнадцатого века, не позволяют им адекватно воспроизводиться. Капиталистам было ясно, что домохозяйки производят и поддерживают здоровье рабочего лучше, чем работающие по найму жены, и что образованные дети будут лучшими рабочими, чем необразованные. Эта сделка, согласно которой мужчины получали семейную зарплату, а женщины оставались дома, устраивала капиталистов, так же как и рабочих мужчин. И хотя условия сделки со временем изменились, очевидно, что до сих пор женщины и женский труд по обслуживанию семьи служат и капиталу, которому они поставляют рабочую силу, и мужчинам, которым они создают пространства для реализации своего превосходства. Кроме того, женщины, обслуживая своих мужчин и свои семьи, служат капиталу как потребители (43). Семья же, как нам показали Файрстоун, Франкфуртская школа и многие другие, является местом, где учатся подчинению и доминированию (44). Послушные дети становятся послушными работниками; мальчики и девочки выучивают соответствующие роли.

Хотя семейные зарплаты показывают, что капитализм приспосабливается к патриархату, изменение статуса детей показывает, что и патриархат приспосабливается к капитализму. Дети, как и женщины, были исключены из сферы оплачиваемого труда. С сокращением возможностей зарабатывать деньги юридическое положение детей по отношению к родителям изменилось. В США в начале индустриальной эры считалось, что отцы играют решающее, первостепенное значение в реализации потребностей своих детей, в их счастливом развитии; отцы получали приоритетное право на опеку детей. Как показывает Кэрл Браун, с уменьшением возможности участвовать в поддержании экономического благополучия семьи, дети все больше и больше стали рассматриваться как сфера заботы матерей; матери получали приоритетное право на опеку ребенка в случае конфликта из-за родительских прав (45). В этом случае патриархат приспособился к изменениям в экономическом положении детей: когда дети были производителями, мужчины заявляли на них свои права; как только дети потеряли свою производительность, их отдали женщинам.

Партнерство в двадцатом веке

Предсказания марксистов девятнадцатого века о том, что под давлением капитализма, который требует пролетаризации всех, патриархат отомрет, не сбылись. Они не только недооценили силу и гибкость патриархата, они также переоценили силу капитала. Новые социальные силы капитализма, разрушившие феодальные отношения, представлялись им всемогущими. Современному наблюдателю очевидны различия между тенденциями развития «чистого» капитализма и «реального» капитализма, повседневно сталкивающегося с историческими силами. Обсуждаемое «партнерство» капитала и расового порядка, а также сегментация рынка труда служат дополнительным примером того, как «чистые» капиталистические силы сталкиваются с исторической

реальностью. В этом процессе капитализм показал себя невероятно гибким.

Марксисты, изучающие Южную Африку, утверждают, что, хотя расовые порядки препятствуют всеобщей равной пролетаризации, это не значит, что расовые барьеры препятствуют накоплению капитала (46). На абстрактном уровне можно говорить о том, каким образом капитализм получает «наибольшую» прибавочную стоимость. Однако в конкретных исторических ситуациях капитализму приходится решать вопрос социального контроля, сопротивления групп рабочих и вмешательства государства. Государство вмешивается, потому что ему необходимо воспроизводство общества целиком; иногда приходится придерживать некоторых капиталистов, чтобы преодолеть наиболее негативные тенденции капитализма. Принимая во внимание эти факторы, капиталисты максимизируют наиболее разумную прибыль. Даже принимая во внимание, что ради социального контроля капиталисты организуют работу каким-то конкретным образом, в капитализме нет ничего, что бы определяло, кто (т.е. какие индивиды с какими предписываемыми характеристиками) будет занимать высокие, а кто низкие ступени в иерархии рынка труда. И, конечно, свою роль играет тот факт, что капиталисты являются частью доминирующей социальной группы и, следовательно, оказываются сексистами (и расистами). Капитализм наследует приписываемые характеристики как доминирующих, так и подчиненных групп.

Недавно появившийся тезис о том, что монополистический капитал приводит к сегментации рынка труда, согласуется с подобным толкованием (47). Когда капиталисты намеренно сегментируют рынок труда, используя указанные свойства, чтобы разделить рабочий класс, это, очевидно, является следствием необходимости социального контроля, а не императива накопления в узком смысле (48). И не все попытки разделить оказываются со временем успешными (именно в том, что касается разделения) или прибыльными. Способность капитала формировать рабочую

силу зависит и от императива накопления в узком смысле (например: если производство организовано таким образом, что требует коммуникации между большим количеством работников, то лучше чтобы все они говорили по-английски) (49) и от общественных сил внутри общества, которые подталкивают/принуждают капитал к тому, чтобы приспособливаться (содержание отдельных туалетов для белых и чернокожих в Южной Африке с экономической точки зрения является накладным для капиталистов, но чтобы заставить южноафриканских белых ходить в одни туалеты с чернокожими, потребовались бы еще большие расходы).

Если первой частью нашего тезиса о развитии капитализма является утверждение, что капитал не всесилен, то второй частью является утверждение, что капитал невероятно гибок. Накопление капитала сталкивается с существующими общественными формами, которые он разрушает, но к которым и адаптируется. «Приспособленчество» капитала нужно рассматривать как проявление силы этих существующих форм, их упорства в новых условиях. При этом они не остаются неизменными. Идеология, которая определяет то, как понимаются раса и пол сегодня, например, в значительной мере определяется расовым и половым разделением в процессе накопления.

Семья и семейная зарплата сегодня

Как мы утверждали выше, адаптация или взаимное приспособление капитализма и патриархата в начале двадцатого века приняли форму семейной зарплат. Семейная зарплата закрепила партнерство между патриархатом и капиталом. Мы утверждаем, что, несмотря на возросшее участие женщин в наемном труде, особенно с началом Второй мировой войны, семейная зарплата является краеугольным камнем разделения труда сегодня, разделения, при котором женщины в первую очередь ответственны за домашнюю работу, а мужчины – за оплачиваемый труд по найму.

Более низкая оплата женского труда на рынке (вместе с необходимостью присматривать за детьми) определяет необходимость существования семьи как объединения, необходимого для совместного привлечения ресурсов. Таким образом семья, поддерживаемая семейной зарплатой, позволяет мужчинам контролировать труд женщин как в семье, так и за ее пределами.

Несмотря на то, что вовлечение женщин в наемный труд женщин может иметь негативные последствия для семьи (сродни тем последствиям, которые Каутский и Энгельс наблюдали в конце девятнадцатого века), не стоит думать, что вследствие этого концепция и реальность семьи и полового разделения труда скоро исчезнут. Половое разделение труда возникает и на рынке труда, где женщины выполняют женскую работу, часто именно ту работу, которую они раньше выполняли дома: приготовление еды и предоставление услуг, всякого рода уборка, уход за другими людьми и так далее. Так как у этой работы низкий статус, она низко оплачивается, и патриархальные отношения остаются незыблемыми, хотя их материальная основа несколько смещается из сферы семьи в сферу оплачиваемого труда. Кэрл Браун, например, утверждает, что мы движемся от «семейного» к «индустриальному» патриархату в рамках капитализма (50).

Индустриальные патриархальные отношения поддерживаются разными способами. Коллективные договоры, подразумевающие более низкие зарплаты, меньшие социальные гарантии и меньшую возможность карьерного роста для женщин, не являются неким атавизмом – проявлением сексизма или идеологии мужского превосходства – они поддерживают материальную основу патриархата. И хотя некоторые утверждают, что патриархата в семье уже практически не существует (например, Стюарт Ивэн в работе «Капитаны сознания») (51), мы с этим не согласны. Несмотря на то, что условия соглашения между капиталом и патриархатом меняются: дополнительные обязанности, ранее находившиеся в семейной сфере, перемещаются в сферу рынка,

и место использования труда женщин трансформируется (52), неизменной остается, как мы говорили ранее, разница в оплате, возникшая в результате высокого уровня сегрегации на рынке труда, которая укрепляет положение семьи, а с ней и домашнего разделения труда, побуждая женщин к замужеству. «Идеал» семейной зарплаты – мужчина должен зарабатывать столько, сколько нужно для содержания семьи – уступает место новому идеалу: теперь и мужчина, и женщина должны вносить денежный вклад в поддержание семьи. Следовательно, разница в оплате труда будет играть все большую роль в поддержании патриархата, контроля над трудом женщин со стороны мужчин. Разница в оплате труда определяет женский труд как вторичный по отношению к мужскому, одновременно оставляя женщин действительно экономически зависимыми от мужчин. Половое разделение труда на рынке труда и в других сферах следует понимать как проявление патриархата, которое служит его усилению.

По мнению многих, несмотря на то, что сейчас партнерство между капиталом и патриархатом существует, со временем оно станет невыносимым для капитала, и в результате он разрушит и семейные отношения, и патриархат. Это утверждение базируется на предположении, что капиталистические общественные отношения (а семья не является их частью) становятся универсальными, женщины, зарабатывая все больше и больше, в конце концов откажутся подчиняться семье, и поскольку семья угнетает в первую очередь женщин и детей, она будет разрушена – как только люди смогут зарабатывать за ее пределами.

Мы не думаем, что патриархальные отношения, лежащие в основе семьи, могут быть с такой легкостью разрушены капиталом, ведь в данный момент мало что указывает на распад семьи. И хотя более высокий уровень вовлеченности женщин в рынок труда облегчил возможность развода, женщины не спешат воспользоваться этой возможностью. Зарплаты, получаемые женщинами, мало кому из них позволяют содержать себя и своих детей независимо

и на достойном уровне. Свидетельства, используемые для подтверждения тезиса об ослаблении семьи, можно считать в лучшем случае малоубедительными. Уровень разводов не столько увеличился, сколько выровнялся среди представителей разных классов; более того, очень высоким остается уровень повторных браков. До переписи 1970 года количество первых браков было на уровне исторического минимума. С 1970 года наблюдается тенденция откладывать брак и рождение детей, но в последнее время уровень рождаемости снова начал расти. Действительно, сегодня более значительная часть населения живет вне традиционной семьи. Молодые люди, покинув родительский дом, зачастую создают свое независимое домохозяйство до момента вступления в брак и рождения детей. Люди старшего возраста, особенно женщины, оказываются одни, после того, как их дети вырастают, а супруги либо бросают их, либо умирают. Так или иначе, тренды говорят о том, что большинство современных молодых людей рано или поздно создадут нуклеарную семью, и эта вероятность высока как никогда. Показатели по бракам и наличию потомства среди возрастных когорт (групп людей), родившихся после 1930 года, гораздо выше, чем у предыдущих когорт. Продолжительность брака и времени воспитания детей может быть короче, но статистика браков и деторождения лишь увеличивается (53).

Тезис о том, что капитализм «разрушает» семью, также игнорирует общественные силы, которые делают брак желанным. Несмотря на критику нуклеарной семьи за ее психологическую деструктивность, в соревновательном обществе семья продолжает отвечать потребностям многих людей. Это касается не только долговременной моногамии, но и, прежде всего, воспитания детей. Родители-одиночки несут на себе как финансовую, так и психологическую нагрузку. Такой двойной гнет делает «свободу», полученную благодаря наемному труду, иллюзией — особенно это касается женщин из рабочего класса. В последнее время родители-одиночки все больше рассматриваются как переходная фор-

ма – перед повторным браком и созданием традиционной семьи из двух родителей (54).

Возможно, возрастающий уровень участия женщин в рынке труда приведет не к учащению разводов, а к исчезновению полового разделения труда в семье, однако у этой гипотезы пока тоже нет доказательств. Статистические данные о том, кто выполняет работу по дому, даже в семьях, где жены зарабатывают, не говорят о каких-либо значительных изменениях за последние годы – большинство работ по дому выполняют женщины (55). «Двойной рабочий день» – реальность для работающих женщин. Этому не стоит удивляться, так как половое разделение труда за пределами семьи, на рынке труда, приводит к финансовой зависимости женщин от мужчин, даже если они сами зарабатывают. Будущее патриархата, однако, не зависит исключительно от будущего семейных отношений. Ведь патриархат, как и капитал, может быть невероятно гибким и легко приспосабливаться.

Вне зависимости от того, является ли патриархальное разделение труда внутри семьи и за ее пределами в конечном итоге «несовместимым» с капиталом, очевидно, что оно определяет капитализм сейчас. Как мы покажем ниже, патриархат легитимирует контроль капиталистов и делигитимирует определенные формы борьбы с капиталом.

Патриархат, устанавливая и легитимируя иерархию мужчин (позволяя мужчинам всех групп контролировать хотя бы некоторых женщин), усиливает контроль капитала, а капиталистические ценности определяют формирование патриархальной добродетели.

Психологические явления, описываемые Файрстоун, являются примерами того, как проявляются отношения зависимости и доминирования. Эти явления следуют из реальности общественной власти, которой обладают мужчины и не обладают женщины, но определяются своим формированием в рамках капиталистического общества (56). Если мы посмотрим на характеристики, которыми наделяют мужчин радикальные феминистки – соревно-

вательность, рациональность, склонность к доминированию – то получим описание главных ценностей капиталистического общества.

Есть два возможных объяснения этого «совпадения». Первое гласит, что мужчины, будучи наемными работниками, вовлекаются в капиталистические общественные отношения на работе – а тем самым в соревнование, которое требуют эти отношения – и потому обретают соответствующие ценности (57). Характеристики, которую дают мужчинам радикальные феминистки, в значительной степени соответствуют реальности капиталистических обществ. Второе объяснение заключается в следующем: даже когда мужчины и женщины не ведут себя в соответствии с нормами, определёнными для их пола, мужчины приписывают себе те характеристики, которые ценятся в капиталистических обществах. Как, например, установили авторы книги «Перевал Крествуд», когда квалифицированные специалисты – мужчины сплошь и рядом манипулируют подчиненными (часто используя техники, взывающие к иррациональному, для достижения желаемого поведения с их стороны), то другие мужчины и женщины видят в них людей «рациональных и прагматичных». Женщины же, активно изучающие научные методы воспитания детей и педагогики, оцениваются и мужчинами и женщинами как «иррациональные и эмоциональные» (58).

Это позволяет нам понять природу не только «мужских» и «женских» характеристик в капиталистических обществах, но и то, какие формы принимает в них сексистская идеология. Как женский труд выполняет две задачи – поддержание мужского доминирования и капиталистическое производство, – так и сексистская идеология выполняет двойную функцию – восхваление мужских черт\капиталистических ценностей и принижение женских черт\общественных потребностей. Если женщин унижали или лишали доступа к власти в других обществах, мужчины объясняли (рационализировали) это иначе. Только в капиталистическом об-

пестве имеет смысл видеть в женщине существо эмоциональное или иррациональное. В эпоху Ренессанса такие эпитеты не имели бы смысла. Поскольку (в результате разделения труда) женщины – как жены и матери – в основном отвечают за производство потребительной стоимости, уничтожение этой деятельности делает менее очевидной неспособность капитализма удовлетворить общественную потребность и одновременно принижает женщин в глазах мужчин, оправдывая мужское доминирование. Примером могут служить удивительным образом амбивалентные рекламные ролики. С одной стороны, они говорят о том, что реально мешает удовлетворять общественные потребности: разрушающие одежду и раздражающие кожу моющие средства, различная низкосортная продукция. С другой стороны, озабоченность такими проблемами становится поводом для высмеивания женщин-работниц.

Одновременно можно говорить о партнерстве патриархата и капитализма в половом разделении рынка труда. Половое разделение труда приводит к тому, что женщины получают самую низкооплачиваемую работу, выполняя задания, которые считаются соответствующими женской роли. Женщины работают учителями, социальными работниками, составляют значительное большинство в здравоохранении. Работа женщин по уходу за другими обладает низким статусом, потому что мужчины принижают ценность женского труда. Причиной низкого статуса такой работы является и то, что капитализм придает особое значение личной независимости и способности предоставлять независимые коммерческие услуги для удовлетворения общественных потребностей, что входит в противоречие с потребностью в коллективном предоставлении общественных услуг. Пока труд по уходу за другими обладает низким статусом, поскольку его выполняют женщины, капиталу удастся поддержать иллюзию приоритетности меновой стоимости над потребительной. Таким образом, не феминизм, а сексизм ведет к расколу рабочего класса.

IV. Путь к более прогрессивному союзу

Нам нужно исследовать еще многие проблемы. Патриархат в том смысле, как мы его понимаем, остаётся скорее описательным, чем аналитическим термином. Если мы считаем, что марксизма как такового недостаточно, а радикальный феминизм также не может дать ответы на все вопросы, значит, нам нужно разработать новые категории. Нашу задачу усложняет то, что одни и те же факты, такие, как разделение труда, часто укрепляют и патриархат, и капитализм, а в развитом патриархатном капиталистическом обществе трудно выделить механизмы действия собственно патриархата. Тем не менее, именно этим мы собираемся заняться. Для начала, как мы уже сказали, следовало бы выяснить, кому выгодна рабочая сила женщин, вскрыть материальную базу патриархата, исследовать механизмы иерархии и солидарности между мужчинами. Число вопросов, которые мы должны поставить, воистину бесконечно.

Можем ли мы говорить о законах движения патриархатной системы? Каким образом патриархат порождает борьбу феминисток? Какие виды политики в области пола и борьбы между полами мы можем наблюдать в развитых капиталистических обществах? Каковы противоречия патриархатной системы и как они соотносятся с противоречиями капитализма? Мы знаем, что патриархатные отношения породили феминистское движение и что капитализм породил классовую борьбу — но как выражается отношение феминизма к классовой борьбе в историческом контексте? В этом разделе мы постараемся дать ответ хотя бы на последний вопрос.

Исторически и в настоящее время отношения феминизма и классовой борьбы подразумевают либо полную разъединенность («буржуазный» феминизм с одной стороны, классовая борьба с другой), либо, в левых кругах, подчиненность феминизма марксизму. Последнее объясняется как аналитической силой марксиз-

ма, так и властью мужчин в левом движении. Это породило как открытую борьбу внутри левого лагеря, так и противоречивую позицию марксистских феминисток.

Большинство феминисток, которые считают себя радикальными (настроенные против системы, капитализма, империализма, придерживающиеся социалистических, коммунистических, марксистских и тому подобных взглядов), согласны с тем, что радикальное крыло женского движения упустило свой момент, в то время как либеральное вроде бы использовало шанс и сделало шаг вперёд. Наше движение не находится более в том радостном, энергичном состоянии, когда все, что мы делали — воздействовали на общественное сознание, вовлекали в наше движение массы женщин (даже больше, чем оно могло в себя включить), добивались признания интересов женщин в социальных вопросах, причём часто фундаментальнейшим образом бросая вызов и капиталистическим, и патриархатным общественным отношениям, — нам удавалось. Теперь мы чувствуем, что отдельные части движения находятся под контролем различных политических групп, и термин «феминизм» используется против женщин — например, в судебных делах, когда судьи утверждают, что женщины-домохозяйки, находившиеся в многолетнем браке, не нуждаются в алиментах после его распада, поскольку, как всем известно, женщины теперь освобождены. Недавняя неудачная попытка провести поправку о равных правах в Соединённых Штатах указывает на наличие у многих женщин обоснованных опасений, что феминизм по-прежнему будет использоваться против женщин, и говорит о реальной необходимости переосмыслить наше движение, чтобы понять, почему так происходит. Вполне логично в интересах этого переосмысления обратиться к марксизму, поскольку это хорошо разработанная теория социальных изменений. По сравнению с феминистской марксистская теория действительно разработана серьезно, и именно поэтому попытки использовать ее порой уведут нас в сторону от целей феминизма.

Левые всегда относились двойственно к женскому движению, зачастую воспринимали его как опасность для социалистической революции. Увлечение левых женщин феминизмом могло угрожать личным интересам левых мужчин. И, разумеется, множество левых организаций получали выгоду от женского труда. Поэтому левый анализ так часто (и в прогрессивных, и в традиционных проявлениях) замкнут на себя – как теоретически, так и политически. Аналитики старались убедить женщин отказаться от независимого анализа своего положения и принять «левую» точку зрения. В качестве реакции на это давление вполне логичным с нашей стороны было обратиться к марксистскому анализу, присоединиться к «братству», использующему эту парадигму, и в итоге начать оправдывать борьбу за братство вместо того, чтобы анализировать положение женщин в интересах нашей политической практики. Наконец, многие марксисты просто удовлетворены традиционным марксистским анализом женского вопроса. Они считают класс адекватной категорией, с помощью которой можно понять положение женщин. Женщины должны рассматриваться как часть рабочего класса, борьба рабочего класса против капитализма должна иметь приоритет над конфликтом между мужчинами и женщинами. Нельзя допустить, чтобы конфликт между полами препятствовал классовой солидарности.

Поскольку экономическая ситуация в Соединённых Штатах за последние несколько лет ухудшилась, традиционный марксистский подход был переосмыслен. Движение за гражданские права, за свободу слова для студентов, антивоенное движение, женское движение, движение в защиту окружающей среды, возрастающая активность профессиональных групп и объединений «белых воротничков» — все эти феномены 60-х поставили множество вопросов перед марксистами. Но сейчас возвращение очевидных экономических проблем, таких как инфляция и безработица, затмило важность этих требований, и левые вернулись к «фундаментализму» — политике поддержки рабочего класса (в узком смысле слова).

Растущие «марксистско-ленинские» секты настроены решительно антифеминистски, с точки зрения как доктрины, так и практики. Есть признаки того, что вопросы феминизма реже поднимаются в академических левых кругах. Вопрос организации детских садов уходит из повестки левых конференций. По мере того, как укрепляется интеллектуальный авторитет марксизма и политической экономии, к традиционному для академии клубу «своих парней» из либеральной среды добавляется новый клуб «молодых парней» из числа марксистов и радикалов, которые лишь воспроизводят существующую систему, оставаясь «мужским клубом» по составу и взглядам, несмотря на всю свою молодость и радикализм.

Давление на радикальных женщин все сильнее, требования отказать от глупых требований и стать «серьёзными» революционерами звучат все громче. Наша работа кажется пустой тратой времени перед лицом инфляции и безработицы. Симптоматично для режима мужского господства, что наша безработица никогда не ассоциировалась с кризисом. Во время последнего большого экономического кризиса 1930-х годов проблема безработицы была частично решена за счёт исключения женщин из многих сфер деятельности — система позволяла иметь только одно рабочее место на семью, и оно принадлежало мужчине. Капитализм и патриархат вышли из кризиса, укрепив свои позиции. Подобно тому как экономический кризис служит укреплению капитализма, поскольку выправляет диспропорции, он может служить и патриархату. Тридцатые годы вновь поставили женщин на место.

Борьба против капитала и патриархата не может быть успешной, если пренебрегать феминизмом как теорией и социальной практикой. Борьба, направленная исключительно против капиталистического угнетения будет безуспешной, пока не уйдет в прошлое фактическая поддержка угнетения патриархатного. Анализ патриархата очень важен и для определения того, какой социализм может быть полезен женщинам. Даже разделяя мнение о необходимости свергнуть капитализм, мужчины и женщины сохра-

няют свои специфические интересы как представители разных полов. Ни из наших набросков, ни из истории, ни из трудов мужчин-социалистов пока неясно, насколько равноценен социализм, за который борются мужчины и женщины, для обоих полов. Для установления гуманного социализма требуется не только консенсус по поводу того, что из себя должно представлять новое общество и новый гармоничный человек, но и нечто более конкретное — мужчины должны отказаться от своих привилегий.

Мы, женщины, должны позволить себе открыто говорить о насущности и важности наших задач, как бывало уже много раз в прошлом. Мы должны бороться против попыток явно или неявно принудить к отказу от феминистской перспективы.

Это предполагает два стратегических вывода. Во-первых, борьба за построение социализма должна вестись совместно разными группами. Женщинам не стоит надеяться, что мужчины освободят их после революции — отчасти потому, что едва ли они знают, как это сделать, отчасти потому, что не имеют такой потребности. По сути дела, их непосредственные эгоистические интересы состоят в том, что угнетать нас дальше. Поэтому мы должны иметь свои собственные организации и собственную базу. Во-вторых, мы считаем, что половое разделение труда при капитализме дало женщинам неопределимый опыт, который научил нас понимать, что такое взаимозависимость людей и каковы их насущные нужды. Мы согласны с Лиз Вогель — если мужчины долгое время ведут борьбу *против* капитала, то женщины понимают, *за* что они борются (59). Обычно позиция мужчин по отношению к патриархату и капитализму не позволяет им как признать потребность людей в заботе, сочувствии и помощи, так и обнаружить потенциал для удовлетворения этих потребностей в неиерархическом, непатриархатном обществе. Но даже если мы сумеем просветить мужчин, они могут, вообразив потенциальные приобретения и потери, предпочесть существующий статус-кво. Мужчинам есть что терять, кроме своих цепей.

Как социалистические феминистки, мы должны организовать практику, которая совмещала бы борьбу против патриархата и борьбу против капитализма. Мы должны настаивать на том, что в обществе, которое мы хотим создать, признание взаимозависимости будет означать свободу, а не позор, забота станет универсальной практикой, а не средством угнетения, а женщины будут поддерживать лишь истинную, а не ложную свободу мужчин.

ПРИМЕЧАНИЯ

Более ранние версии этого текста были опубликованы в 1975 и 1977 в соавторстве с Эйми Б. Бриджес. К сожалению, из-за большой занятости Эйми не смогла продолжить работу над проектом, к которому присоединилась с самого его возникновения и с которым была на протяжении его долгой и неоднозначной истории. Все эти годы мы получали комментарии, критику и поддержку от различных людей и групп. Я бы хотела поблагодарить Марксистскую Феминистскую Группу №1, Колледж Женских Исследований Университета штата Нью-Йорк в Буффало, Программу Женских Исследований Мичиганского Университета, и различные группы Объединения за Радикальную Политэкономию. Я также хотела бы поблагодарить Темму Каплан, Анну Маркусен, Джейн Флакс за внимательное прочтение последней версии текста. Данная статья, вместе с комментариями, критикой и дополнениями выйдет в сборнике «Женщины и революция» под редакцией Лидии Сарджент в Саус Энд Пресс в начале 1980 года. Я благодарю Лидию, Саус Энд Пресс и редакцию «Капитала и класса» за их интерес к статье.

1. Согласно традиционной формулировке, «муж и жена есть одно и это одно есть муж» английского законодательства «в браке, муж и жена выступают как единое лицо перед законом, т.е. само существование женщины в правовом поле прекращается с ее вступлением в брак или, как минимум, растворяется в юридическом статусе ее мужа». I. Blackstone, *Commentaries*, 1765, pp. 442-445, cited in Kenneth M. Davidson Ruth B. Ginsburg, and Herma H. Kay, *Sex Based Discrimination* (St. Paul, Minn.: West Publishing Co., 1974), p. 117.

2. Frederick Engels, *The Origin of the Family, Private Property and the State*, edited, with an introduction by Eleanor Burke Leacock (New York: International Publishers, 1972).

3. Friedrich Engels, *The Condition of the Working Class in England* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1958). See esp. pp. 162-66 and p. 296.

4. Eli Zaretsky, «Capitalism, the Family, and Personal Life», *Socialist Revolution*, Part I in No. 13-14 (Jan-April 1973), pp. 66-125, and Part II in No. 15 (May-June 1973), pp. 19-70. Also Zaretsky, «Socialist Politics and the Family», *Socialist Revolution* (now *Socialist Review*), No. 19 (Jan-March 1974),

pp. 83-98, and *Capitalism, the Family and Personal Life* (New York: Harper & Row, 1976). В той мере, в какой анализ авторов касается женщин, работы Брюса Брауна «Маркс, Фрейд и критика повседневности» (Bruce Brown, *Marx, Freud, and the Critique of Everyday Life*. New York: Monthly Review Press, 1973) и Анри Лефевра «Повседневная жизнь в современном мире» (Henri Lefebvre, *Everyday Life in the Modern World*. New York: Harper & Row, 1971) могут быть отнесены к той же группе, что из Зарецкий.

5. Здесь Зарецкий следует за идеями Маргарет Бенстон («The Political Economy of Women's Liberation», *Monthly Review*, Vol. 21, no. 4 [Sept. 1969], pp. 13-27), в основе анализа которой лежит утверждение, что у женщин другое отношение к капиталу, чем у мужчин. Она утверждает, что, работая дома, женщина производит потребительную стоимость, тогда как работающие на рынок мужчины производят меновую стоимость. Труд женщин Бенстон определяет как докапиталистический (и видит в общем труде женщин основу для политического единства). Зарецкий исходит из этого фундаментального различия мужского и женского труда, но считает, что оба вида труда имеют капиталистический характер.

6. Zaretsky, «Personal Life», Part I, p. 114.

7. Mariarosa Dalla Costa, «Women and the Subversion of the Community», in *The Power of Women and the Subversion of the Community* by Mariarosa Dalla Costa and Selma James (Bristol, England: Falling Wall Press, 1973; second edition) pamphlet, 78 pps.

8. Интересно отметить, что в основном тексте статьи (ссылка 7) Делла Коста говорит о том, что установление заработной платы за домашнюю работу приведет к институционализации положения женщины как домохозяйки (стр.32, 34), но в примечании (пр.16, стр.52-53) объясняет популярность этого требования и его роль в повышении уровня самосознания. С тех пор она активно поддерживает это требование. См., например, Dalla Costa, «A General Strike», in *All Work and No Pay: Women, Housework, and the Wages Due*, ed. Wendy Edmond and Suzie Fleming (Bristol, England: Falling Wall Press, 1975).

9. В статье написано следующее: «Мы должны четко заявить, что домашний труд не только производит потребительную стоимость, но является необходимым условием для производства прибавочной стоимости» (стр.31). В сноске 12 автор поясняет: «Мы имеем в виду, что домашний труд является производительным в марксистском понимании, то есть производящим прибавочную стоимость» (стр.52, выделено в

оригинале). Насколько нам известно, это утверждение никогда активно не использовалось сторонниками оплаты домашнего труда. Так или иначе, марксисты активно отреагировали на это заявление.

10. Литература по этому вопросу включает в себя следующие тексты: Lise Vogel, «The Earthly Family», *Radical America*, Vol. 7, no. 4-5 (July-October 1973), pp. 9-50; Ira Gerstein, «Domestic Work and Capitalism», *Radica/America*, Vol. 7, no. 4-5 (July-October 1973), pp. 101-128; John Harrison, «Political Economy of Housework», *Bulletin of the Conference of Socialist Economists*, Vol. 3, no. 1 (1973); Wally Seccombe, «The Housewife and her Labour under Capitalism», *New Left Review*, no. 83 (January, February 1974), pp. 3-24; Margaret Coulson, Branka Magas, and Hilary Wainwright, «‘The Housewife and her Labour under Capitalism’, A Critique», *New Left Review*, no. 89 (January-February 1975), pp. 59-71; Jean Gardiner, «Women’s Domestic Labour», *New Left Review*, no. 89 (January-February 1975), pp. 47-58; Ian Gough and John Harrison, «Unproductive Labour and Housework Again» *Bulletin of the Conference of Socialist Economists*, Vol. 4, no. 1 (1975); Jean Gardiner, Susan Himmelweit and Maureen Mackintosh, «Women’s Domestic Labour»; *Bulletin of the Conference of Socialist Economists*, Vol. 4, no. 2 (1975); Wally Seccombe, «Domestic Labour: Reply to Critics», *New Left Review*, no. 94 (November-December 1975), pp. 85-96; Terry Fee, «Domestic Labor: An Analysis of Housework and its Relation to the Production Process», *Review of Radical Political Economics*, Vol. 8, no. 1 (Spring 1976), pp. 1-8; Susan Himmelweit and Simon Mohun, «Domestic Labour and Capital», *Cambridge journal of Economics*, Vol. 1, no. 1 (March 1977), pp. 15-31.

11. В США идею заработной платы за домашний труд чаще всего критикуют как оппортунистическую.

12. Лора Орен описывает это явление в рабочей среде в «The Welfare of Women in Laboring Families: England, 1860-1950», *Feminist Studies*, Vol. 1, no. 3-4 (Winter-Spring 1973), pp. 107-25.

13. Покойный Стивен Хаймер указал на слабость анализа Энгельса в «Происхождении семьи», связанную с тем, что Энгельс не анализирует трудовые процессы в семье. Энгельс утверждает, что мужчины заинтересованы в моногамии, потому что они хотят оставить собственность своим детям. Хаймер утверждает, что в буржуазных семьях наследство совсем не является «подарком», а используется в качестве кнута, с помощью которого отцы заставляют детей работать на себя. Необходимо

изучать трудовые процессы, в частности, вопрос о том, кто извлекает выгоду из чужого труда и чьего именно труда.

14. Это перефразированный текст Карла Маркса: «Постоянное сохранение и воспроизводство рабочего класса остаётся постоянным условием воспроизводства капитала. Выполнение этого условия капиталист может спокойно предоставить самим рабочим, полагаясь на их инстинкт самосохранения и размножения». (Capital [New York: International Publishers, 1967], Vol. 1, p. 572.).

15. Harry Braverman, Labor and Monopoly Capital [New York: Monthly Review Press, 1975).

16. Juliet Mitchell, Women's Estate (New York: Vintage Books, 1973), p. 92.

17. Engels, Origins, «Preface to the First Edition», pp. 71-72. Цитата заканчивается таким образом: «...ступенью развития, с одной стороны – труда, с другой – семьи». Интересно, что наличие труда в семье имплицитно исключается; это именно та слабость анализа, которую мы хотим преодолеть в данном эссе.

18. Juliet Mitchell, «Women: The Longest Revolution», New Left Review, No. 40 (Nov-Dec 1966), pp. 11-37, also reprinted by the New England Free Press.

19. Juliet Mitchell, Psychoanalysis and Feminism (New York: Pantheon Books, 1974).

20. Mitchell, Psychoanalysis, p. 412.

21. Shulamith Firestone, The Dialectic of Sex (New York: Bantam Books, 1971).

22. «Politics of Ego: A Manifesto for New York Radical Feminists», см. Rebirth of Feminism, ed. Judith Hole and Ellen Levine (New York: Quadrangle Books, 1971), p. 440-443. «Радикальные феминистки» – это те феминистки, которые утверждают, что основной движущей силой исторического развития является борьба мужчин за подавление женщин. Слово «радикальный» в данном случае не означает антикапиталистический, социалистический, контркультурный, а определяет определенный набор феминистских убеждений конкретной группы феминисток. С текстами радикальных феминисток, среди которых, пожалуй, наиболее влиятельными являются Радикальные феминистки Нью-Йорка, можно ознакомиться в сборнике «Радикальный феминизм» под редакцией Анн Коэда. Radical Feminism, ed. Ann Koedt (New York: Quadrangle Press, 1972).

23. Переход к анализу вопроса о власти стал важным шагом для феминистской критики Фрейда. Например, Файрстоун утверждает, что, если маленькие девочки и «завидуют» обладанию пениса, то лишь постольку,

поскольку осознают, что мальчики, взрослея, становятся частью более могущественного класса, который будет доминировать над девочками. В последнее время феминистки критикуют Файрстоун за то, что она отрицает полезность концепции подсознательного. В попытке объяснить силу и продолжительность мужского доминирования, феминистские тексты последних лет подчеркивают фундаментальную природу гендерно-обусловленных особенностей личности, их укорененность в подсознании и, следовательно, сложность избавления от этих особенностей. См. Dorothy Dinnerstein, *The Mermaid and the Minotaur* (New York: Harper Colophon Books, 1977), Nancy Chodorow, *The Reproduction of Mothering* (Berkeley: University of California Press, 1978), and Jane Flax, «The Conflict Between Nurturance and Autonomy in Mother Daughter Relationships and Within Feminism», *Feminist Studies*, Vol. 4, no. 2 (June 1978), pp. 141-189.

24. Kate Millett, *Sexual Politics* (New York: Avon Books, 1971), p. 25.

25. Один из примеров такого радикального феминизма: Susan Brownmiller, *Against Our Will, Men, Women, and Rape* (New York: Simon & Schuster, 1975).

26. Пример буржуазного подхода к патриархату в социальных науках, см., например, рассуждения Макса Вебера о легальном и традиционном типах господства. Max Weber, *The Theories of Social and Economic Organization*, ed. Talcott Parsons (New York: The Free Press, 1964), pp. 328-357. Эта проблема так же обсуждается в Elizabeth Fee, «The Sexual Politics of Victorian Social Anthropology», *Feminist Studies*, Vol. 1, nos. 3-4 (Winter-Spring 1973), pp. 23-29, и в Robert A. Nisbet, *The Sociological Tradition* (New York: Basic Books, 1966), особенно в Главе 3, «Сообщество».

27. См. Viana Muller, «The Formation of the State and the Oppression of Women: Some Theoretical Considerations and a Case Study in England and Wales», *Review of Radical Political Economics*, Vol. 9, no. 3 (Fall 1977), pp. 7-21.

28. То, каким образом мужчины контролируют доступ женщин к важным экономическим ресурсам и ограничивают их сексуальность, зависит от общества, подгруппы и исторического периода. Примеры патриархата, которые мы используем в данном разделе, в основном взяты из опыта белых женщин в западных обществах. Многообразие патриархата описывается в следующих работах: *Towards an Anthropology of Women*, ed. Rayna Rapp Reiter (New York: Monthly Review Press, 1975), *Woman, Culture and Society*, ed. Michelle Rosaldo and Louise Lamphere (Stanford, California: Stanford University Press, 1974), and *Females, Males, Families:*

A Biosocial Approach, by Lila Leibowitz (North Scituate, Massachusetts: Duxbury Press, 1978). Контроль за женской сексуальностью тесно связан с положением детей. Понимание потребности в детях со стороны как мужчин, так и капиталистов принципиально для понимания подчиненного положения женщин.

Если дети требуются как рабочая сила в настоящем или будущем, то сексуальность женщин будет направляться таким образом, чтобы стимулировать деторождение и женскую вовлеченность в воспитание детей. Когда потребности в детях нет, то женская сексуальность будет переориентирована на другие, не репродуктивные функции, при этом мужчины будут стараться направить ее на удовлетворение своих потребностей. Девушка Cosmo – яркий пример женщины, «освобожденной» от воспитания детей, лишь для того, чтобы посвятить всю себя привлечению и удовлетворению мужчин. Капиталисты также могут использовать женскую сексуальность для своих целей, что очевидно из успеха девушки Cosmo в продвижении потребительских товаров.

29. Gayle Rubin, «The Traffic in Women», in *Anthropology of Women*, ed. Reiter, p. 159.

30. Химмельвейт и Мохун указывают на то, что оба аспекта производства (людей и вещей) являются логически необходимыми для описания способа производства, потому что способ производства по определению должен быть способен воспроизводить себя. Ни тот, ни другой аспект не достаточны для этого сами по себе. Говоря простым языком, для производства вещей нужны люди, а для производства людей нужны вещи. Маркс, хотя и признавал, что капитализм нуждается в людях, не останавливался ни на том, каким образом они производятся, ни на том, как оба эти аспекта связаны между собой. См. Himmelweit and Mohun, «Domestic Labour and Capital» (ссылка 10).

31. Замечательное обсуждение подобного перехода от капитализма к социализму см. Batya Weinbaum, «Women in Transition to Socialism: Perspectives on the Chinese Case», *Review of Radical Political Economics*, Vol. 8, no. 1 (Spring 1976), pp. 34-58.

32. Важно помнить, что в доиндустриальный период женщины играли серьезную роль в обеспечении семьи, либо занимаясь семейным ремеслом, либо работая в сельском хозяйстве. Включение женщин в рынок труда одновременно позволяло и требовало, чтобы ее участие в обеспечении семьи происходило независимо от мужчин ее семьи. Та-

ким образом, новшеством было не то, что женщина стала зарабатывать, а то, что она стала делать это вне контроля со стороны отца и мужа. В книгах Элис Кларк и Айви Пинчбек рассматриваются экономические роли женщин в доиндустриальном обществе и те перемены, которые принес с собой капитализм. Кажется, Маркс, Энгельс и Каутский не очень хорошо представляли экономическую роль женщины до капитализма. Alice Clark, *The Working Life of Women in the Seventeenth Century* (New York: Kelly, 1969); Ivy Pinchbeck, *Women Workers in the Industrial Revolution, 1750-1850* (New York: Kelly, 1969).

33. Karl Kautsky, *The Class Struggle* (New York: Norton, 1971), pp. 25-26.

34. Мы бы добавили, «за пределами домохозяйства». Kautsky, *Class Struggle*, p. 26, курсив наш.

35. Цит. по: Neil Smelser, *Social Change and the Industrial Revolution* (Chicago: University of Chicago Press, 1959), p. 301.

36. Данные примеры взяты из Heidi I. Hartmann, «Capitalism, Patriarchy, and Job Segregation by Sex», *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, Vol. 1, no. 3, pt. 2 (Spring 1976), pp. 162-163.

37. Если заводское законодательство было введено так, чтобы защищать интересы большинства капиталистов в ущерб интересам меньшинства из них, то законы, регулирующие труд женщин и детей, вероятно, были введены государством в соответствии с потребностью в воспроизводстве рабочего класса. Только узко инструменталистский подход к пониманию государства будет отрицать, что заводское законодательство и законы по защите труда легитимирует государство за счет предоставления уступок и в определенной мере являются ответом на потребности самого рабочего класса.

38. Для более подробного знакомства с дискуссиями о рабочем законодательстве по защите труда и положении женщин, см. Ann C. Hill, «Protective Labor Legislation for Women: Its Origin and Effect», mimeographed (New Haven, Conn.: Yale Law School, 1970). Текст частично опубликован в прекрасном юридическом сборнике Barbara A. Babcock, Ann E. Freedman, Eleanor H. Norton, and Susan C. Ross, *Sex Discrimination and the Law: Cases and Remedies* (Boston: Little, Brown & Co., 1975). Также см. Hartmann, «Job Segregation by Sex», pp. 164-166.

39. Из работ Элис Кларк «Трудовая жизнь женщин» и Айви Пинчбек «Работницы» следует, что за экспроприацией производства из домохозяйства следовал процесс социального приспособления, в результате кото-

рого и возник принцип семейного заработка. В своей диссертации Heidi Hartmann, *Capitalism and Women's Work in the Home, 1900-1930* (Unpublished Ph.D. dissertation, Yale University, 1974; Temple University Press, 1980) я на основе качественного анализа делаю вывод о том, что в США этот процесс происходил в начале двадцатого века. Такую гипотезу можно было бы проверить количественно, путем анализа исследований семейного бюджета на протяжении определенного периода, отмечая изменение доли мужа в семейном доходе в группах с различным доходом. Однако для данного периода нет данных, пригодных для сравнения. Идея «семейного заработка», по всей видимости, потеряла свою привлекательность после Второй мировой войны. Кэролин Шо Бел анализирует современные данные и утверждает, что представление, будто мужчина сегодня остается главным добытчиком в семье, является ошибочным. Carolyn Shaw Bell, in «Working Women's Contributions to Family Income», *Eastern Economic Journal*, Vol. 1, no. 3 (July 1974), pp. 185-201. Вне зависимости от того, какой на самом деле является ситуация сегодня и какой она была ранее, мы утверждаем, что общественной нормой было и остается представление о том, что мужчина должен зарабатывать достаточно для содержания семьи. То, что это является нормой, совсем не значит, что это является повсеместной реальностью. Более того, важна неспособность большинства семей соответствовать этой норме. В результате исследователи замечают, что из-за слишком низкого уровня заработной платы изменяются «нормативные» паттерны семейной жизни, как, например, в среде иммигрантов девятнадцатого века и американцев третьего мира сегодня. Оскар Халлин в книге «Бостонские иммигранты» описывает Бостон девятнадцатого века, в котором ирландские женщины работали в текстильной промышленности; женщины составляли половину трудящихся по найму и часто содержали безработных мужей. Oscar Handlin, *Boston's Immigrants* (New York: Atheneum, 1968). Дискуссия о структуре семьи среди афро-американцев до сих пор не прекращается; см. Carol B. Stack, *All Our Kin: Strategies for Survival in a Black Community* (New York: Harper and Row, 1974), особенно глава 1. Мы также утверждаем, что значительная часть семей соответствует норме благодаря тому, что мужчины и женщины занимают разное положение на рынке труда.

40. В работе «Женский труд» Хартманн утверждает, что в начале двадцатого века неработающая жена считалась элементом мужского жизненного стандарта, отражающего уровень достатка мужчины (стр.136, сноски б). Гершштейн в тексте «Домашняя работа» пишет, что работаю-

щая жена как элемент нормы становится частью определения ценности рабочей силы мужчины (стр.121).

41. Невозможно переоценить значение труда женщин по обслуживанию мужчин в семье. Как написала Пат Майнарди в «Политике домашнего труда», «уровень твоего угнетения измеряется уровнем его сопротивления» (Sisterhood is Powerful, ed. Robin Morgan [New York: Vintage Books, 1970], p. 451).

42. Либби Циммерман изучила связь между участием в первичном и вторичном рынках труда и семейными паттернами в Новой Англии. См. Libby Zimmerman, *Women in the Economy: A Case Study of Lynn, Massachusetts, 1760-1974* (Unpublished Ph.D. dissertation, Heller School, Brandeis, 1977). Батья Вайнбаум сейчас изучает связь между ролью в семье и местом на рынке труда. Batya Weinbaum, «Redefining the Question of Revolution»; *Review of Radical Political Economics*, Vol. 9, no. 3 (Fall 1977), pp. 54, 78, и *The Curious Courtship of Women's Liberation and Socialism* (Boston: South End Press, 1978). Дополнительные исследования о взаимодействии капитализма и патриархата опубликованы в сборнике Zillah Eisenstein, ed., *Capitalist Patriarchy and the Case for Socialist Feminist Revolution* (New York: Monthly Review Press, 1978).

43. О роли женского труда в потреблении см. Batya Weinbaum and Amy Bridges, «The Other Side of the Paycheck: Monopoly Capital and the Structure of Consumption» *Monthly Review*, Vol. 28, no. 3 (July-Aug 1976), pp. 88-103.

44. О подходе Франкфуртской школы см. Max Horkheimer, «Authority and the Family», in *Critical Theory* (New York: Herder & Herder, 1972) and Frankfurt Institute of Social Research, «The Family», in *Aspects of Sociology* (Boston: Beacon, 1972).

45. Carol Brown, «Patriarchal Capitalism and the Female-Headed Family» *Social Scientist* (India), no. 40-41 (November-December 1975), pp. 28-39.

46. О расовых порядках см. Stanley Greenberg, «Business Enterprise in A Racial Order», *Politics and Society*, Vol. 6, no. 2 (1976), pp. 213-240, and Michael Burroway, *The Color of Class in the Copper Mines: From African Advancement to Zambianization* (Manchester, England: Manchester University Press, Zambia Papers No. 7, 1972).

47. О сегментации рынка труда см. Michael Reich, David Gordon, and Richard Edwards, «A Theory of Labor Market Segmentation» *American Economic Review*, Vol. 63, no. 2 (May 1973), pp. 359-365, и книгу под их редакторством, *Labor Market Segmentation* (Lexington, Mass.: D.C. Heath, 1975).

48. О качественной эффективности (потребности социального контроля) и количественной эффективности (потребности накопления) см. David M. Gordon, «Capitalist Efficiency and Socialist Efficiency», *Monthly Review*, Vol. 28, no. 3 (July-August 1976), pp. 19-39.

49. Например, производители в Милуоки сначала организовали рабочих по этническим группам, однако затем обучили всех работников английскому языку, так как изменился уровень технологий и социального контроля. См. Gerd Korman, *Industrialization, Immigrants, and Americanizers, the View from Milwaukee, 1866-1927* (Madison: The State Historical Society of Wisconsin, 1967).

50. Carol Brown, «Patriarchal Capitalism».

51. (New York: Random House, 1976.)

52. Джин Гардинер в работе «Домашний труд женщин» (см. сноску 10) объясняет причины этого сдвига в положении женского труда с точки зрения капитала. Она рассматривает потребности капитала (в том, что касается уровня реальных доходов, предложений на рынке труда и размера рынка труда) на разных ступенях роста и бизнес-цикла. Она утверждает, что в период бума или резкого роста тенденция к обобществлению домашнего труда (вернее, его коммерциализация) становится основной, тогда как во время рецессии домашний труд будет сохраняться в традиционной форме. Пытаясь определить направление развития британской экономики, Гардинер не оценивает экономические потребности патриархата. В данном эссе мы утверждаем, что без учета потребностей патриархата в той же мере, что и капитала, невозможно определить вероятное направление развития экономической системы.

53. Данные о доле нуклеарных семей можно найти в Peter Uhlenberg, «Cohort Variations in Family Life Cycle Experiences of U.S. Females», *Journal of Marriage and the Family*, Vol. 36, no. 5, (May 1974), pp. 284-92. Данные о частоте повторных браков см. Paul C. Glick and Arthur J. Norton, «Perspectives on the Recent Upturn in Divorce and Remarriage», *Demography*, Vol. 10 (1974), pp. 301-14. Данные по уровню доходов и разводам см. Arthur J. Norton and Paul C. Glick, «Marital Instability: Past, Present, and Future», *Journal of Social Issues*, Vol. 32, no. 1 (1976), pp. 5-20. Также см. Mary Jo Bane, *Here to Stay: American Families in the Twentieth Century* (New York: Basic Books, 1976).

54. Heather L. Ross and Isabel B. Sawhill, *Time of Transition: The Growth of Families Headed by Women* (Washington, D.C.: The Urban Institute, 1975).

55. См. Kathryn E. Walker and Margaret E. Woods, *Time Use: A Measure of Household Production of Family Goods and Services* (Washington, D.C.: American Home Economics Association, 1976).

56. Richard Sennett, Jonathan Cobb, *The Hidden Injuries of Class* (New York: Random House, 1973). В работе рассматривается подобный психологический феномен при иерархических отношениях мужчин на работе.

57. Здесь мы только мельком касаемся проблемы классовых различий, проявляющихся в сексизме.

58. См. John R. Seeley, et al., *Crestwood Heights* (Toronto: University of Toronto Press, 1956), pp. 382-94. Хотя можно утверждать, что мужчина занят «в производстве», это не означает, что женщина находится «вне производства», так как ее задачи также определяются капиталом. Ее ежедневный неоплачиваемый труд – это решение проблемы производства для обмена по социально определенной стоимости, что обеспечивает потребительную стоимость при капитализме (в данном случае в контексте потребления). Более развернутое обсуждение проблемы см. Вайнбаум и Бриджет «Другая сторона зарплаты». То, что женщины производят «всего лишь» потребительную стоимость в обществе, где доминирует меновая стоимость, может быть использовано для принижения женщин.

59. Lise Vogel, «The Earthly Family» (см. ссылку 10).

Чинция Арруцца Квир-союз между марксизмом и феминизмом?

Одна теория для двойных систем

В 1979 году Хайди Хартманн опубликовала статью под названием «Несчастливый брак марксизма и феминизма». В 1981 Лидия Сарджент выпустила антологию «Женщины и революция: Дискуссия о несчастливом браке марксизма и феминизма», в которой собрала множество критических отзывов и дискуссий по поводу статьи Хартманн, как с марксистской стороны, так и с феминистской.

В своей пространной статье Хартманн разрабатывает так называемую теорию двойных систем. Она анализирует взаимодействие патриархата и капитализма, начиная с неудачного свидания марксизма и феминизма. Марксизм, считает Хартманн, не воспользовался возможностью своего глубокого обновления, предоставленной ему новой волной феминизма. Вместо этого он уверился в том, что гендерное угнетение имеет второстепенную значимость и по сути вытекает из классовой эксплуатации. Брак марксизма и феминизма был аналогом брака мужчины и женщины, институционализированного в английском общем праве: марксизм и феминизм, подобно мужу с женой, составляют одно целое, и это целое есть марксизм. Интуиция Энгельса в «Происхождении частной собственности» о производстве и воспроизводстве непосредственной жизни как определяющего фактора в истории, включавшая два аспекта – производство средств существования и производство самих людей – так и не была осмыслена достаточно глубоко самим Энгельсом и марксистами следующих поколений. Поэтому марксистские категории остались «слепыми к полу», что привело не только к недооценке условий угнетения женщин, но и

Чинция Арруцца - профессор Новой школы социальных исследований (Нью-Йорк), специалистка по феминистской теории и марксизму, участница итальянской леворадикальной организации Sinistra Critica. Приведена последняя глава из ее книги «Dangerous Liaisons: The Marriages and Divorces of Marxism and Feminism» (London, 2013).

подорвало возможность понимания комплексной реальности капитализма. Марксистские категории, такие как «класс», «резервная армия», «рабочая сила», по мнению Хартманн, «слепы к полу», поскольку являются порождением «слепой к полу» природы законов капиталистического развития. Согласно Хартманн, капитализм создает иерархии внутри рабочей силы, но его законы развития не могут определить, кому доведется занять те или иные места внутри этой иерархии. С точки зрения чистых «законов движения» капитала, капитализм совершенно индифферентен к тому, являются ли рабочие, занимающие подчиненное положение, мужчинами или женщинами, белыми или черными. Поскольку категории критики политэкономии работают с законами капиталистического развития, они не могут объяснить, кто попадет на какую ступень в разнообразных иерархиях. В этом смысле понятие класса само по себе недостаточно и должно быть объединено с понятиями гендера, расы, национальности и религии. Иными словами, фактор, позволяющий капитализму ставить женщин на низшие ступени иерархии рабочей силы, заложен не в логике самого внутреннего функционирования капитализма, а в логике другой системы угнетения. И хотя эта патриархальная система тесно переплетена с капитализмом, она обладает автономией. И подчинение женщин, созданное патриархатной системой, истоки которой имеют докапиталистическую природу, используется капитализмом в собственных целях.

Пытаясь избежать ловушки, состоящей в том, чтобы представлять патриархат как универсальную и безвариантную структуру, Хартманн исходит из его историчности и тем самым из пережитых им трансформаций. По ее мнению, нельзя говорить о чистом патриархате, поскольку его материальные структуры всегда укоренены внутри определенных отношений производства, и такое сложное отношение модифицирует характеристики и природу этих структур. Поэтому следует говорить скорее о рабовладельческом патриархате, феодальном патриархате, капиталистическом

патриархате и так далее. Настаивая на исторической природе патриархата и его трансформаций, Хартманн формирует взгляд на отношения между капитализмом и патриархатом, отличный от того, который предлагает Джулиет Митчелл в «Психоанализе и феминизме». Согласно Митчелл, патриархатные структуры имеют универсальную и аисторическую, психологическую и идеологическую природу, переходящую от одного способа производства к другому. Взаимодействие между этими структурами и определенным способом производства обуславливает вариации в том, как универсальные структуры артикулируются и различаются. На основе этого женское угнетение принимает различные формы и выражается различными способами, в зависимости от исторического момента, местоположения и классовой принадлежности.

Хартманн же, напротив, говорит об исторических трансформациях, которые претерпевают сами патриархальные структуры, а не о том лишь, как они проявляются. Несмотря на тесную связь между способом производства и патриархатной системой, каждая из таких структур действует согласно внутренней логике и специфическим законам, которые могут быть на одной длине волны, а могут находиться в конфликте. Несмотря на то, что капитализм использовал и использует патриархат для утверждения своей власти и оформления эксплуатации, в определенных обстоятельствах «слепые к полу» законы движения капитала могут вступать в противоречие с законами патриархатной системы. Неспособность понять законы, относящиеся к двум системам, не позволяют нам понять природу подобных противоречий. Основанный на их признании счастливый брак, на который надеется Хартманн, должен открыть нам путь к общей истории, способной считать и интерпретировать законы действия двойных – капиталистической и патриархатной – систем и их взаимосвязи, не сводя при этом одну к другой.

В первой главе своей книги «Justice Interruptus», опубликованной в 1997, Нэнси Фрезер выдвигает теоретическое предло-

жение, которое некоторые критики также называли теорией двойных систем. Однако подход Фрезер, как мы увидим, разительно отличается от хартманновского. Исходя из того, что требование признания стало, можно сказать, парадигматической формой политического конфликта в конце 20 века и осью разных видов борьбы, связанных с национальностью, гендером, расой и сексуальностью, Фрезер предлагает концептуальную схему, дающую возможность учитывать специфические различия между теми требованиями справедливости, что основаны на «перераспределении», и теми, что основаны на признании, а также возможности их сочетания. Это схема зиждется на различении несправедливости с экономическими корнями (эксплуатация, лишение собственности, экономическая маргинализация) и несправедливости, имеющей символическую и культурную природу (культурное доминирование, непризнание, пренебрежение). В аналитическом смысле, несмотря на то, что в реальности обе формы угнетения почти всегда переплетены друг с другом, классовая эксплуатация представляет случай «чистой» экономической несправедливости, а угнетение геев и лесбиянок – случай несправедливости культурной: первый случай несправедливости порождает требования «перераспределения»; второй – требования «признания». Утверждение, что в плане анализа экономическая и культурная несправедливость требуют различения, ни в коем случае не равнозначно непризнанию их взаимосвязи в реальной жизни и того обстоятельства, что, например, угнетение геев, лесбиянок, транс и интерсексуалов воздействует на материальные структуры и институты и имеет экономические последствия и аспекты, такие как дискриминация на рынке труда и в системе здравоохранения. Но, скажем, проявления несправедливости в сфере культуры не являются краеугольным камнем производственных отношений, не структурируют разделение труда и требуют изменений на символическом или культурном уровне. Между этими двумя полюсами, экономической несправедливостью и непризнанием, существуют неко-

торые виды несправедливости, включающие в себя оба аспекта: таковы женское и расовое угнетение. Оба имеют экономические корни и обусловлены разнообразными типами разделения труда. В случае женщин речь идет о разделении репродуктивного и продуктивного труда, обуславливающем репродуктивный труд как неоплачиваемую обязанность женщин, а также об иерархии внутри рабочей силы, где гендер используется для разделения в основном мужских, лучше оплачиваемых секторов труда и менее оплачиваемых секторов, в основном женских. Впрочем, это лишь один из аспектов угнетения, ведь женщины также являются объектом обесценивания, имеющего символическую и культурную природу, что порождает многие формы дискриминации и насилия: насилие домашнее и сексуальное, сексуальная эксплуатация, коммодификация женских тел в сфере коммуникации и информации, домогательства...

Таким образом, угнетение женщин, подобно расовому угнетению, требует двойного ответа, а именно требования как перераспределительной справедливости, так и признания. Фрезер четко объясняет, какие противоречия порождает эта двойственность. Логика требований перераспределительной справедливости действительно ведет к преодолению гендерных и расовых разделений. Требование экономических изменений, которые повлекут за собой конец дискриминации на основе гендера или расы в разделении труда, акцентирует преодоление этих идентичностей и различие на их основе. С другой стороны, требуя признания, мы придаем первостепенное значение различию и идентичности, мы призываем оценивать их позитивно, а не как источник дискриминации. Как можно примирить эти две логики? Ответ Фрезер состоит в противопоставлении «аффирмативного» подхода «трансформативному», связанному с вопросом о перераспределении и признании. Аффирмативные подходы подразумевают ряд мер против экономической и социальной несправедливости, которые не бросают вызов структуре в ее основаниях. Этот

подход включает, например, политику социального государства, основанную на перераспределении существующих благ в пользу существующих групп (например, политику социальной помощи бедным), можно сказать, утверждая разницу между группами. Другой пример – мультикультурализм, который склонен подчеркивать различия и разные идентичности, требуя уважения к ним. Трансформативный же подход ставит под сомнение структуру, порождающую неравенства. Это касается как социализма, ставящего вопрос о глубокой трансформации отношений производства и преодолении классовых различий, так и деконструкции, стремящийся переструктурировать отношения признания на культурном уровне, смягчая или отменяя различия между группами. Квир-теория также принадлежит к последней категории. Она подразумевает не требования гомосексуальной, транссексуальной или интерсексуальной идентичности как цель, а деконструкцию дихотомии гомосексуальности/гетеросексуальности, дестабилизируя все существующие сексуальные идентичности. Квир-теория стремится деконструировать гендер, как социализм стремится деконструировать класс: задача не в том, чтобы сохранять или утверждать гендерную или классовую идентичность – хотя в политическом прaxисе с проблемой идентичности сталкиваются оба течения – а в преодолении как гендерных, так и классовых разделений. Основываясь на общей трансформативной и деконструкционистской природе, возможно выстроить гипотетическую модель комбинации социализма и деконструктивистского феминизма, способного организовать наступление на экономическое и культурное неравенство одновременно, предлагая решения как в терминах перераспределения, так и в терминах признания. Такая комбинация тем более необходима, что гендерное и расовое угнетение не может быть сведено ни к одной из этих форм неравенства, а включает обе.

Одна теория для унифицированной системы

Айрис Янг подвергла критике как теорию Фрезер, так и теорию Хартманн в двух статьях: «Вне несчастливого брака: критика теории двойных систем» и «Непослушные категории: критика теории двойных систем Нэнси Фрезер». Согласно Янг, работа Хартманн, безусловно, ценна тем, что пытается предложить альтернативу историческому концепту патриархата, однако имеет и серьезные противоречия. Конечно, угнетение женщин началось прежде наступления капитализма, поэтому причины такого угнетения не могут быть выведены из капиталистического способа производства. Однако, тот же дискурс можно приложить и к классовым разделением и эксплуатации: они не являются оригинальным изобретением капитализма, и безусловно составляли базис функционирования экономики при рабовладельческом и феодальном способах производства. Следовательно, классовое разделение и эксплуатация представляют особую структуру, изменяющуюся исторически со сменой способов производства, но сохраняющую автономию от самого способа производства. Могли ли классовые разделения породить систему помимо капитализма, но переплестись с ним позже? Принятие того факта, что нет «чистого» деления на классы, отдельного от специфического способа производства, приводит к тезису, что само по себе классовое деление не создает систему, а система развивается, изменяясь в течение столетий. Почему бы не применить то же самое к патриархату? Более того, теория двойных систем дает возможность марксизму и дальше строить свою теорию производственных отношений и социальных изменений, анализировать капитализм по-прежнему, применяя «слепые к полу» категории, и оставлять задачу анализа патриархатной системы феминизму. Вопреки этому Янг предлагает интегрировать марксизм посредством теории гендерного разделения труда, работающей со всеми типами такого разделения внутри общества – от

репродуктивного труда внутри семьи до гендерной иерархии внутри рабочей силы в сфере производства.

Одна из причин критики Хартманн со стороны Янг, как и критики теории двойных систем Фрезер, состоит в том, что Хартманн включает в марксизм только критику политической экономики, оставляя за его рамками культурную критику. Сводить марксизм лишь к экономическому анализу капитализма значит редуцировать его как теорию. И так же ошибочно противопоставление экономических и культурной сфер, будто бы они полностью автономны от друга, и взаимодействуют лишь в таком отстраненном виде. И все же мы не согласны с критикой Янг, поскольку считаем, что работы Фрезер преследуют диаметрально противоположную цель – они преодолевают разделение между культурной и экономической сферами и создают теоретическую рамку, способную показывать их взаимопроникновение. С этой точки зрения вряд ли можно считать позицию Фрезер версией теории двойных систем, а если и можно, то версией крайне специфической. Согласно Янг, когда мы переходим от абстрактного теоретизирования к изучению того, как именно функционируют разные виды угнетения, эксплуатации, и как развивается динамика разных видов борьбы, то замечаем, что бинарная оппозиция между перераспределением и признанием не выражает полностью сложность процессов развития тех видов субъективности, которые поднимают на борьбу сообщество или группу. Логика требований признания не обязательно противоречит логике требований перераспределения – коль скоро они обе вносят вклад в создание идентичностей, способных бороться за экономическую справедливость и социальное равенство: как в случае с сапатизмом и Black Power. Пока культурное угнетение специфических групп играет роль в угнетении экономическом, два вида борьбы не конфликтуют, а скорее дополняют друг друга. Согласно Янг, политика утверждения идентичности (расовой, гендерной, этнической или религиозной группы) входит в противоречие с борь-

бой за социальную справедливость только если вместо вклада в процесс субъективизации она ставит на первый план культурное выражение как самоцель, тем самым оттеняя роль культуры в производстве структурных экономических угнетений.

Дискуссия о состоятельности теории двойных систем также имела место в контексте полемики, проходившей в 1980-е среди марксистских и социалистических феминисток на страницах двух журналов *New Left Review* и *Studies in Political Economy*. Центральный вопрос дебатов, в которых участвовали Джоанна Бреннер, Мария Рамас, Мишель Барретт и Патрисия Коннелли, состоял в том, возможно ли соединить марксизм и феминизм, развить марксистскую феминистскую теорию, разрешив возникающие на этом пути сложности. Хотя все участницы этой дискуссии так или иначе отрицали пригодность теории двойных систем – одновременно признавая, что женское угнетение предшествует капитализму, – их объяснения того, как именно это угнетение связано с капитализмом, весьма различались. Были подняты многие вопросы: существуют ли патриархатные структуры независимые от структур самого капитализма? Какую роль в гендерном угнетении играет идеология? Каковы отношения между гендерной идеологией и материальным базисом женского угнетения? Порождает ли материальное и экономическое угнетение женщин патриархальную идеологию или наоборот, последняя распространяет влияние на экономический уровень, например, на половое разделение труда?

В работе «Женское угнетение сегодня» Мишель Барретт попыталась показать ту роль, которую играет идеология в экономике. Она подчеркивает, что многие из тех категорий, которые мы считаем экономическими, были исторически сконструированы и являются идеологическими. Так же требуют исследования и причины, по которым продолжает воспроизводиться идеология типичной буржуазной семьи. В своих поисках Барретт исходит из того, что невозможно противостоять экономическому угнетению

женщин и соответствующей идеологии, пока мы разделяем эти сферы и не видим их взаимного воздействия. Необходимо постигать комплексную динамику взаимоотношений гендерной и классовой идеологии. Бреннер и Рамас подвергли критике статью Мишель Барретт в статье, опубликованной в *New Left Review*, а Пэт и Хью Армстронг – на страницах *Studies of Political Economy*. Согласно критикам, Мишель Барретт попала в ловушку теории двойных систем вместо того, чтобы признать следующее: хотя патриархат не произошел от капитализма, а предшествовал ему, он оказался полностью интегрирован капитализмом – до такой степени, что теперь они действуют вместе, образуя не две системы, а одну. Эту позицию Бреннер и Рамас аргументировали, в частности, той ролью, которую играет биология в половом разделении труда, сложившимся с развитием капитализма в 19 веке. Женская репродуктивная роль, недостаток эффективной контрацепции и альтернатив грудному кормлению вошло в противоречие с полноценным участием в фабричном производстве. Поскольку грудное кормление и вынашивание детей было несовместимо с работой на фабрике, такое сочетание биологического фактора и особого экономического развития создало и особый тип угнетения женщин при капитализме, основанный на домашней семейной системе. Ключевой вопрос состоит в том, каким образом производительная система капиталистического класса инкорпорировала биологические репродуктивные факты и как биологические различия в этой специфической ситуации становились препятствием для участия женщин в производстве. Настаивать на приоритете биологического фактора по отношению к социальному и историческим модификациям этой взаимосвязи значит умалять роль патриархатной идеологии в половом разделении труда. В своем ответе на эту критику («Переосмысляя женское угнетение: ответ Бреннер и Рамас»), Мишель Барретт отмечала, что реакция на биологические ограничения всегда имеет социальный характер. Женщины из аристократии и высшей буржуазии могли

легко решить потребность в кормлении младенцев – с помощью молочных матерей. Более того, в некоторых обществах грудное вскармливание частично обобществлено, чтобы облегчить груз, ложащийся на мать. Женщины же из рабочего класса в период развития капитализма оказывались маргинализированными в сфере продуктивного труда. Иными словами, реакция на биологические ограничения (например, на потребность кормить младенцев) это вопрос социального выбора и социальных процессов. Но этот выбор и эти процессы можно осмыслить только если принимать во внимание гендерную идеологию и ее взаимосвязь с разделением труда.

От несчастливого брака к квир-союзу

Разнообразные версии феминистской теории часто, если не всегда, были попытками отреагировать на основные проблемы, с которыми сталкиваются женщины на политическом уровне. Особенно это касается проблем конструирования женской и/или феминистской субъективности, с помощью которой женщины могли бы бороться за свое освобождение. Анализ или деконструкция гендерного различия, социальное или биологическое происхождение женского угнетения, вопрос о том, в какой степени нынешняя патриархальная система автономна по отношению к капитализму, о роли гендерной идеологии по отношению к половому разделению труда, о том, можно ли уравнивать пол и класс – все это отражение конкретных политических вызовов феминистскому движению. Эти реакции, в свою очередь, серьезно повлияли на развитие движения, его фрагментированную структуру и артикуляцию.

Приводя здесь короткий обзор некоторых дискуссий, я старалась не следовать обычной логике и классификациям, используемым в феминистской полемике, а очертить нерешенную, но все более насущную политическую проблему. Речь идет об исторических, политических и теоретических отношениях между генде-

ром и классом, а также о работе над теорией, которая примирила бы марксизм и феминизм, не принуждая их к браку по расчету. Такая работа покажется еще более насущной если рассмотреть развитие феминистского движения в последние десятилетия и влияние капиталистической глобализации на жизнь женщин.

В контексте глобального процесса феминизации труда, происходящего сейчас под влиянием капиталистической глобализации, сущностный «развод» между марксизмом и феминизмом обнажил еще более важные проблемы. С одной стороны, анализ полового разделения труда, роли воспроизводства при капитализме и того, каким образом патриархальная идеология взаимосвязана с динамикой капиталистического накопления, по-прежнему не включен должным образом ни в марксистскую теорию, ни в действия левых политических организаций и социальных движений. Это серьезно ограничивает как понимание, так и способность вмешиваться в реальность. С другой стороны, тот факт, что существенная часть феминистских движений и теорий отвергает классовые определения во имя универсального сестринства или качеств, свойственных, согласно эссенциалистскому взгляду, женщинам по определению, усложняет построение политических и социальных альянсов между феминистским и рабочим движениями, да и служит не слишком добрую службу самому феминистскому движению в плане его возможности трансформировать реальность.

Ещё в конце 1980-х теоретики интерсекциональности (термин, введенный в 1989 Кимберли Креншоу) попытались сделать упор на взаимодействие между гендером, классом и расой, на влияние, оказываемое этим комплексным взаимодействием на субъектов. Причем взаимодействие в этом случае не должно пониматься как простое дополнение или сложение разных видов угнетения.

Вследствие такой интерсекциональной взаимосвязи женщин нельзя рассматривать как гомогенных субъектов, переживающих гендерное угнетение как первичное, а сексизм – как основной вид отношений с властью – учитывая, насколько сильно женщины

могут различаться в смысле расы, этноса, статуса, и то, какую роль играет в формировании их субъективности столь разнообразное взаимодействие элементов. Вопрос отношений между капитализмом и патриархатом нужно рассматривать так же аккуратно. Вопреки теориям, пытающимся рассматривать отношения между мужчинами и женщинами в терминах эксплуатации, патриархат как форма организации определенного сектора производства давно утратил свою функцию; то, что осталось, было присвоено капитализмом. Нельзя сказать, что этот процесс протекал линейно. С одной стороны, капитализм разорвал экономические узы, основанные на патриархате, с другой, он претворил и использовал множеством разных способов патриархатные отношения власти и идеологии. Он разрушил семью как отдел производства, но использовал его, существенно трансформировав, чтобы обеспечить дальнейшее воспроизводство рабочей силы. Патриархатные отношения власти сыграли здесь свою роль: капитализм нуждался в переносе репродуктивных функций на семью – так, чтоб подчинение женщины гарантировало доход – тем самым перекалдывая бремя на женщин и формируя репрессивные отношения между мужчинами и женщинами.

Признавать, что в этом смысле мужчины, включая мужчин-рабочих, получали и получают относительную выгоду от гендерного угнетения, не значит рассматривать мужчин как эксплуататорский класс. Это значит понимать те сложные механизмы, с помощью которых капитализм интегрирует и использует докапиталистические отношения власти для создания иерархий эксплуатируемых и угнетенных, прокладывая рвы и возводя барьеры. То же касается отношений женщин и труда – вопрос, ставший центральным в связи с постоянным ростом женского найма и также требующий развития теории разделения труда по половому признаку, которая не концентрировалась бы только или прежде всего на труде репродуктивном. Раса и гендер были и являются мощными инструментами разделения труда. Термин «феминиза-

ция труда» имеет как минимум двойное значение. Женщина принимает все большее участие в производительном труде, это факт, который не мог не изменить положение женщины и формы ее угнетения. Но использование женской рабочей силы играло и играет существенную роль с точки зрения интересов капитала: оно способствует сокращению количества квалифицированных рабочих в производительном секторе и снижению затрат на труд, ухудшению трудовых условий и навязыванию внештатной занятости. И опять же понимание этой динамики невозможно без отсылки к фундаментальной роли патриархатной идеологии и патриархатных отношений власти. Это функция, которая не только стимулирует явное или скрытое обесценивание женского труда, неизбежно рассматриваемого как второстепенный, как довесок к труду мужскому, но и воздействует на классовую субъективность, часто затрудняя способность женщин к мобилизации и высказыванию. Недооценивать или игнорировать тот факт, что экономические условия и культурные/экономические виды угнетения тесно переплетены друг с другом, значит недооценивать те сложности, с которыми будет неизбежно сталкиваться проект нового рабочего движения как мужчин, так и женщин – вследствие все большей феминизации рабочего класса.

Феминизм выработал ключевые инструменты для понимания гендерной реальности, того, как она функционирует, ее механизмов. Феминизм, какими бы противоречивыми не были его отношения с психоанализом, пролил свет на психологический компонент женского угнетения и на роль семьи и семейных отношений как ключевого пункта воспроизводства сексуального разделения ролей, конструирования гендера, консолидации и сохранения нормативной гетеросексуальности. Принимать эти аспекты – не значит отказываться от материалистического подхода и возвращаться в «облака идеализма». Это значит понимать, как интернализируется патриархальная власть, даже самими женщинами, на внешнеэкономическом уровне, понимать, что эта интернализация не-

сет в себе ключевой политической смысл. Любой, кто имеет опыт политического активизма, видел воочию те проблемы, с которыми сталкиваются женщины, желающие высказываться, проявлять инициативу, политизироваться. Они задавлены с одной стороны интериоризованным гендерным угнетением, которое заставляет их сомневаться в своих способностях, с другой – тем, как механизмы угнетения проявляются во власти мужчин в организациях. Игнорирование этих реалий служит дурную службу не только женщинам, но и марксизму, и политическому проекту, направленному на радикальную трансформацию общества.

Формирование взгляда, способного задействовать интерсекциональность и вскрыть комплексные отношения между патриархальными пережитками, которые дрейфуют как бездомные призраки в глобализованном капиталистическом мире, и патриархальными структурами, которые, наоборот, интегрированы, использованы и трансформированы капитализмом, требует обновления марксизма. Оно необходимо, чтобы в дальнейшем избежать противопоставления культурных и экономических, материальных и идеологических категорий. Политический проект нового рабочего движения требует серьезной рефлексии по поводу того, каким образом гендер и раса влияют на композицию рабочей силы и процессы формирования субъективности. Более того, судя по всему, подходит к концу битва за то, какое угнетение главное. Дело не в том, что важнее, класс или гендер, а в том, каким образом гендер и класс переплетаются в капиталистическом производстве и отношениях власти, формируя комплексную реальность. Не слишком важно, да и не слишком полезно пытаться свести все это к простой формуле. Дело в том, каким образом класс и гендер могут быть соединены в политическом проекте, который действовал бы, избегая двух зеркальных опасностей: искушения смешивать две реальности, считая гендер классом или класс гендером, и искушения сводить отношения власти и отношения эксплуатации к микроуровню и не видеть ничего, кроме ряда отдельных угнетений, которые невозможно включить в отчетливый освободительный проект.

В ГЕНДЕРНОЙ СЕРИИ СВОБОДНОГО МАРКСИСТСКОГО
ИЗДАТЕЛЬСТВА ВЫШЛИ И ГОТОВЯТСЯ КНИГИ:

ГЕРБЕРТ МАРКУЗЕ
МАРКСИЗМ И ФЕМИНИЗМ

Николай Олейников и др.
СЕКС УГНЕТЕННЫХ

Хайди Хартманн
НЕСЧАСТЛИВЫЙ БРАК МАРКСИЗМА И ФЕМИНИЗМА

Лорри Пенни
ТОРГОВЛЯ МЯСОМ:
ЖЕНСКОЕ ТЕЛО ПРИ КАПИТАЛИЗМЕ

Чарлз Буковски
СТИХИ О ЖЕНЩИНАХ И ГЕНДЕРНАЯ КРИТИКА

Чинция Арруцца
ОПАСНЫЕ СВЯЗИ:
ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЙ МАРКСИЗМА И ФЕМИНИЗМА

